РОВЕСНИК

5
1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Май, 1979 год, № 5*

Статья члена руководства молодежной и студенческой секции Африканского национального конгресса (ЮАР) и другие материалы О РАСИЗМЕ В МИРЕ КАПИТАЛА.

На первой странице обложки: о чем думает этот мальчуган, глядя в темноту разбитого окна? Трудно сказать. И не хочется фантазировать, потому что любая фантазия примитивнее реальной жизни с ее драматизмом борьбы, поражений, побед и надежд, лицом к лицу с которыми этот маленький человек, в будущем юноша, мужчина, старик. Одно можно утверждать наверное: ему предстоит нелегкое будущее, пока существуют в мире эксплуатация, насилие, расизм.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, В. М. БУДАРИН, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, О. А. ГОРЧАКОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), А. М. ЛЕВИН, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Г. И. Лещинская

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15.03.79. Подп. в печ. 13.04.79. А03548. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 180 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 409.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВЕНА. Широкую кампанию в защиту интересов учащейся молодежи развернул Коммунистический союз студентов Австрии. Его представители проводят в высших учебных заведениях страны митинги и собрания, распространяют листовки, в которых содержатся требования об улучшении системы образования, демократизации учебного процесса, увеличении числа стипендий, расширении строительства студенческих общежитий и спортивных сооружений.

НЬЮ-ЙОРК. В этом году Союз молодых рабочих за освобождение отпраздновал свое девятилетие. За эти годы влияние СМРО значительно выросло: он имеет 93 филиала в 34 штатах. Молодые рабочие и безработные, школьники и студенты всех цветов кожи и национальностей, объединившись в союзе, приобретают новые силы для борьбы за право на труд, образование, против дискриминации.

ГВАТЕМАЛА. Здесь опубликовано исследование положения в стране, проведенное преподавателями столичного университета. В нем говорится, что народ Гватемалы обречен на вымирание, поскольку 80 процентов детей страдает от хронического недоедания, высока детская смертность, из каждой тысячи новорожденных 90 умирают, не дожив до года. Продолжительность жизни 49 лет, а среди групп населения с самым низким доходом продолжительность жизни еще короче.

БЕРЛИН. В ГДР полным ходом идет подготовка к общенациональному фестивалю молодежи республики. Союз свободной немецкой молодежи провел смотр-конкурс клубов политической песни. Такие клубы завоевали широкую популярность среди рабочей молодежи, студентов, школьников. Они действуют при предприятиях и учебных заведениях почти во всех городах страны, в их работе принимают участие около 40 тысяч юношей и девушек. На смотр в берлинский дворец Фридрихштадтпалас приехали лучшие клубы, победители районных конкурсов. В их исполнении прозвучали песни боевые и лирические, посвященные борьбе и солидарности, героям-антифашистам и тем, кто строит сегодня будущее республики.

На снимке: поют ребята из «Клуба-67» города Карл-Маркс-Штадта.

САН-САЛЬВАДОР. Народ Сальвадора решительно протестует против произвола военной диктатуры в стране. Более 400 человек приняли участие в демонстрации протеста против беспричинного убийства молодчиками из гвардии генерала Карлоса Умберто Ромеро священника Антонио Ортиса и четырех других молодых людей. Молодые патриоты провели в Сан-Сальвадоре демонстрацию солидарности с матерями политзаключенных и тех борцов, что «пропали без вести», а таких в Сальвадоре более 200 человек.

КАБУЛ. Одной из важнейший задач, стоящих перед народно-демократической партией и правительством Афганистана, остается ликвидация неграмотности. 80 процентов населения страны не умеют читать и писать. Недавно в Афганистане был учрежден специальный национальный комитет по борьбе с неграмотностью. Комитет уже организовал 1500 вечерних школ и курсов, которые посещают в разных уголках страны 40 тысяч афганских рабочих, служащих, крестьян. Пять тысяч учителей заняты в осуществлении специальной образовательной программы для женщин, которая проводится в стране впервые в ее истории.

ГАМБУРГ. Семь гамбургских учителей провели на площади перед зданием муниципалитета многодневную голодную забастовку в знак протеста против роста безработицы среди работников просвещения. Только в Гамбурге в настоящее время 1900 преподавателей оказались не у дел.

ЛОНДОН. Мощная волна забастовок прокатилась по всей Великобритании. 1,5 миллиона государственных служащих заявили, что не выйдут на работу до тех пор, пока их требования не будут удовлетворены. Требуют улучшения условий труда и работники учебных заведений. В поддержку учителей выступили ученики и их родители. Делегация родителей школьников лондонского района Харингей направилась с петицией к премьер-министру, в других районах были проведены демонстрации солидарности с требованиями работников просвещения.

На снимке: дети и родители одного из лондонских районов вышли на улицу с лозунгами, требующими повысить зарплату учителям.

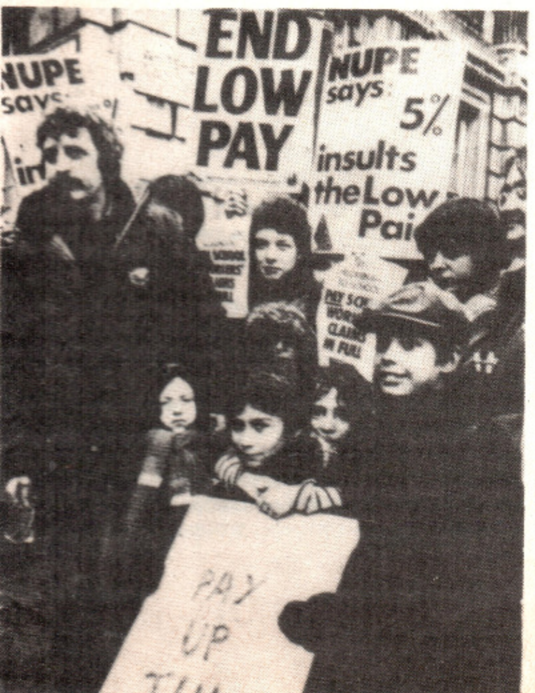
ДУБЛИН. По инициативе Ирландского движения против апартеида в столице республики проведена международная конференция, посвященная борьбе с расизмом. Участники конференции приняли документ, в котором решительно осудили политику стран — членов «Общего рынка», продолжающих, несмотря на решение ООН, сотрудничество с расистскими режимами Юга Африки. 40 процентов внешней торговли ЮАР, говорится в документе, приходится на долю стран «Общего рынка». Именно эти государства способствуют расистам в получении вооружения, обеспечивают средствами для вербовки наемников.

ГАВАНА. 4 тысячи ребят из Анголы, Эфиопии, Мозамбика, Намибии получают образование на Кубе. Для них на острове Свободы построено семь начальных и средних школ, носящих имена выдающихся африканских борцов за национальное освобождение. В этом учебном году Куба также предоставила для посланцев Анголы около 3 тысяч мест в технических и профессиональных училищах, где они получат специальности пилотов, механиков, медсестер, преподавателей физкультуры, культпросветработников.

ПХЕНЬЯН. В КНДР различными формами обучения охвачено 5,1 миллиона детей и молодежи. До освобождения большая часть населения страны была неграмотна. Теперь на 12 факультетах государственного университета имени Ким Ир Сена в Пхеньяне учатся 17 тысяч студентов. 40 тысяч выпускников этого вуза работают в различных отраслях народного хозяйства.

ПНОМПЕНЬ. Во всех районах Кампучии в городах и деревнях созданы народные комитеты самоуправления. Они руководят восстановлением предприятий, уборкой урожая, расчисткой улиц. Все силы направлены на нормализацию жизни населения: налаживается бесперебойное снабжение продовольствием, открываются медпункты и амбулатории. Для защиты завоеваний революции народные комитеты формируют отряды самообороны. Уже тысячи молодых кампучийцев вступили добровольцами в народную милицию.

На снимке: январь 1979 года. Солдаты революционных вооруженных сил и жители Пномпеня празднуют победу над реакционной кликой Пол Пота и Иенг Сари.

HISTORIC DOCUMENTARY FILM SERIES

DAILY WORLD Tuesday, September 12, 1978 — 12

The eastern front in World War II

Berlin, April 30, 1945 – Soviet soldier raises flag over Reichstag

Although Americans are aware that the Nazis in World War Two received their first defeats only after they invaded the Soviet Union on June 22, 1941, the knowledge of how it happened was limited at the time in the U.S. and has since been deliberately relegated to obscurity.

Now American TV viewers will have the chance to see a series of 20 films, much of the series never publicly screened till now, telling all about it.

This series, called "The Unknown War," was made by Air Rime International in association with Sovinfilm of the USSR. It is being sold independently to American television stations in the U.S. and internationally.

The late Roman Karmen, internationally acclaimed Soviet documentary filmmaker, was the chief director and artistic head of the series.

The collaboration came about after Fred Wiener, vice-president of Air Time, went to Moscow on business in the autumn of 1976. Wiener later told friends a "great shock" awaited him in Moscow.

"Only now," he said, "more than 30 years after the end of the Second World War have I come to know about the fantastic courage of the Soviet people and their army in the struggle against the Nazis. . ."

Soviet cameramen had recorded this struggle, including pages from the history of the anti-fascist coalition, the liberation of Poland, the rout of the Japanese army in Manchuria and much more.

Soviet newsreels form the basis of the series, but American, British and even German and Japanese newsreels are also used.

Viewers will witness the little known battle of Kursk-Orel that engaged 7,000 tanks in the largest armored conflict in history.

In besieged Leningrad, Soviet cameramen had photographed the Russians bringing to graveyards the corpses of their dead across the frozen streets. Graphic scenes show people falling dead in their tracks, first the old men, then the old women, then the middle-aged, then the young.

Starvation was the Germans weapon. Winter was the Russians ally. Captured German films show Nazi troops gleefully throwing snow balls at the winter's start, but before the sub-zero winter ended the Germans learned what a fierce enemy was the Soviet winter.

Episodes in the series (each one hour long) show Germany's surprise attack in June of 1941, across a 600-mile front; the nazis' drive to the outskirts of Moscow and Hitler's first defeat; the transfer of thousand of Soviet factories and millions of workers to safe havens, the guerrilla war behind the German lines, the arctic air and sea wars; the street fighting in Stalingrad, the liberation of Soviet territory and the Red Army's liberation of Berlin.

Burt Lancaster narrates the series. Interviews with Soviet President Leonid Brezhnev and former U.S. Ambassador Averill Harriman appear in two of the episodes.

Following are the stations where the series will be shown in the U.S., and the starting dates:

WOR-TV, New York, Oct. 7.

KHJ-TV, Los Angeles, Oct. 7.

WNAC, Boston, Sept. 22.

KRON, San Francisco, Sept. 22.

KFMB, San Diego, Setp. 23.

WEWS, Cleveland, Sept. 14.

WHBQ, Memphis, Sept. 11.

KBMA, Kansas City, Sept. 10.

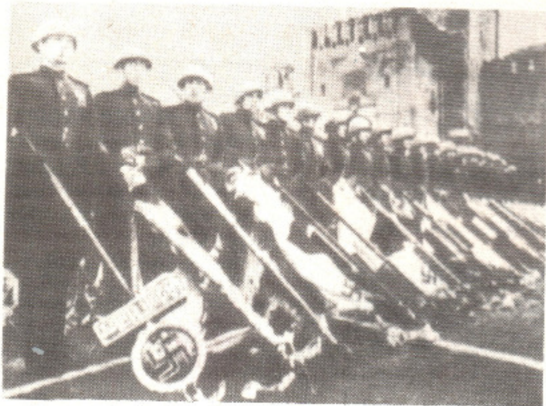
WTVN, Columbus, O., Sept. 11.

WOKR, Rochester, N.Y., Oct. 4.

WLNT, Cincinnati, after the first of the year.

ТОЛЬКО 20 ЧАСОВ «НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ»...

Александр ШУМСКИЙ

Moscow, June 24, 1945 - Victory parade passes Lenin Mausoleum in Red Square

«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ» — НАЗЫВАЕТСЯ КИНОЭПОПЕЯ, СОЗДАННАЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ СТУДИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ ПО ЗАКАЗУ И ПРИ УЧАСТИИ АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ «ЭЙР ТАЙМ ИНТЕРНЭШНЛ».

КАРТИНА БЫЛА ПОКАЗАНА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ США: 20 СЕРИЙ О ВОЙНЕ, КОТОРОЙ МНОГИЕ В АМЕРИКЕ НЕ ЗНАЛИ...

Мой отец не погиб на войне. Мне повезло: он вернулся израненный. И брат его пришел на костылях — Вячеслав, полковой разведчик. И мамины братья-танкисты пришли — дядя Миша и дядя Саша, хотя горели в танках под Сталинградом.

Вы никогда не видели, как горит машина цвета хаки — Т-34? И я не видел никогда...

Но они остались живы: дядя Миша и дядя Саша.

Как счастливо мы зажили тогда в Марьиной роще, в небольшом деревянном доме, все вместе! По воскресеньям — булка с маслом и яблоко антоновка, — что может быть вкусней? Отец построил голубятню, и мы гоняли голубей.

Они поднимались кругами над крышей, над Марьиной рощей, над старой Москвой и над миром, играя на солнце крылами: была же весна...

«МИР — ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ, РАДИ ЧЕГО ДОЛЖНА ВРАЩАТЬСЯ ЗЕМЛЯ», — сказал Род Маккьюэн, композитор и певец, один из создателей фильма «Неизвестная война» (под таким названием картина вышла в США).

— Работая над фильмом больше года, я имел счастливую возможность провести несколько месяцев в России. 4 июля, в наш День независимости, мои русские друзья подготовили для меня не только специальные фейерверки и большой прием, но и большой сюрприз. Когда утром я вошел в студию звукозаписи на «Мосфильме», сто музыкантов заиграли «Звездное знамя» — гимн США. Поздравления, подарки друзей, московские встречи — это было очень трогательно, потому что я был далеко от дома. И потому, что всю жизнь мне внушали, что СССР — мрачноватое государство, совершенно чуждое нам...

...Вступай, кларнет! Притихли барабаны. Вступай, кларнет. Пусть музыка твоя издерганной земле зализывает раны (не страшно, пустяки, что нотный лист — в золе). Ведь ты умел играть не только в светлых залах «Лесную сказку» Беккера, достойную похвал. Ты вспомни, как полки стояли на вокзалах, как старый дирижер на бой благословлял. Все было, что прошло. В степях горели танки. Снаряды жгли траву. И не было цветов. А твой оркестр играл «Прощание славянки»... Ты помнишь, в том бою убило двух альтов?..

Региональные телестанции Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Бостона, Сан-Франциско, Кливленда, Сан-Диего, Мемфиса, Канзас-Сити, Рочестера пустили «Неизвестную войну» в эфир в сентябре прошлого года. А с начала этого все 20 серий транслируются по телесети Цинциннати и других крупных городов.

...Однажды летом я собирал грибы в березовой роще в Западной Белоруссии, в трех километрах от села, где родилась моя мать и жили когда-то ее родители — Виктор и Дарья. У них был яблоневый сад, их дети играли в саду. Белобрысые, в длинных рубахах до пят...

Село мое Красное немцы сожгли, а кладбище семейное осталось, и я его нашел случайно в трех километрах отсюда, в той самой березовой роще, где собирал грибы однажды летом на каникулах.

«Советские партизаны, которые боролись с захватчиками в тылу врага, внесли огромный вклад в победу союзников над фашизмом, — писал американский журналист Том Фоли. — Наш опыт войны во Вьетнаме, в том числе уничтожение целых деревень (как это было в Милай), дал многим жителям США представление о том, что такое партизанская война. На оккупированной фашистами советской территории были сотни Милай».

— Я помню, как в тишине белорусской деревни Хатынь я слушал звон колоколов, — сказал Берт Ланкастер, знаменитый актер кино.

Успех во многом зависел от него. В каждой серии на экране появляется Ланкастер и произносит короткое вступительное слово. Он вам знаком по фильмам «Поезд», «Нюрнбергский процесс», «Семейный портрет в интерьере». Но дело не в этом... Сейчас о другом: как он объяснит американцам простую цифру — 20 миллионов погибших? Что скажет Ланкастер, когда в кадре будут женские лица с сухими глазами от слез?

Без матерей таких немыслима Россия.

...Ей генералы руки целовали, встав на колени и глаза закрыв. Без рук ее морщинистых едва ли они бы танки бросили в прорыв. Святое и единственное право — возможность испытания любви — предоставляла женщине держава: «Родных детей на смерть благослови!» Что для нее любые муки адовы? Теперь уже и вовсе не страшны, когда познали муки Сталинградовы ее небезымянные сыны.

...Беспомощен и мерзок битый ворог. А пленные живые — не враги. И женщина давала пленным творог и теплые, из печки, пироги.

Душа ее открытая таинственна: как дети, уцелевшие в огне, от матери впитали не воинственность — нестынущую ненависть к войне?

— Я считаю для себя честью участвовать в создании этой картины. Быть может, это самая важная работа в моей жизни. Душой ее был Роман Кармен — кинематографист огромного опыта, человек большой страстности и силы, посвятивший себя борьбе против фашизма и войны, — сказал Берт Ланкастер, потрясенный смертью Кармена.

Кармен отлично знал войну — с 22 июня 41-го года по 9 мая 45-го — 1418 дней. И ненавидел ее всю жизнь.

Он умер в те дни, когда цель его жизни была, как никогда, близка: архивные кадры русской, американской и немецкой военной хроники должны были обратиться в великую летопись великой войны. Оставалось смонтировать святые минуты Победы: всем известное знамя на крыше рейхстага и парад на Красной площади. Вы, конечно, помните брошенные на землю флаги вермахта у подножия Мавзолея? И звон, с которым стальные орлы на древках бились головами о брусчатку?..

«Когда война кончилась, мне было 10 лет. Моей жене было семь. Сейчас нашим двум сыновьям 11 и 7 лет, — писал Том Фоли, американский журналист. — Я должен поблагодарить создателей фильма за то, что они показывают вещи с такой очевидной ясностью, не требующей сложных объяснений. Мы видели лицо рабочего, когда он получает дневной паек хлеба — размером с детскую ладонь. Мы видели, как люди готовили суп из клейстера, который соскребли с обоев...»

Том Фоли не знает, что в 42-м году в нашей стране продавалась кулинарная книга «Блюда из корений и трав». Но он увидел на экране ее первых критиков и читателей — ленинградцев. И этого ему вполне достаточно.

— Только теперь, через тридцать с лишним лет после окончания второй мировой войны, мне стало известно, какое фантастическое мужество проявил ваш народ и армия в борьбе с фашистами, — сказал Фред Винер, продюсер фильма. — Признаюсь, мне это было неведомо.

Удивительное все-таки дело, подумал я, такая маленькая земля и столько на ней нагорожено глухих и высоких заборов. Лишь поэтому люди часто не могут открыть в себе великий дар — ощущать чужое страдание острее, чем свое. Дар борцов и поэтов. Но как говорил военный летчик Сент-Экзюпери: если слепой ищет огонь, значит, он уже нашел его. Значит, слава богу, что хоть через тридцать с лишним лет Фред Винер скажет репортерам:

— Зрители увидели малоизвестную в США Курско-Орловскую битву, в которой участвовало семь тысяч танков. Это было крупнейшее в истории танковое сражение.

Любая война познается потомками в сравнении с другими, имевшими место на нашей земле. Любая, но только не эта. Вторая мировая сравнению просто не поддается. Упрямо не выстраиваются в сознании страшные цифры: погибли, погибли, погибли... Миллионы солдат. Миллионы их жен. Миллионы детей...

«В каждой серии мы видели людей на кладбищах, и сегодня горюющих на могилах военных лет, — писал журналист Том Фоли. — Я думаю, что советским кинематографистам удалось сделать невозможное: они создали фильм, который никоим образом не прославляет войну с ее насилием.

Во многих американских документальных лентах война кажется снятой по сценарию вестерна, благодаря чему ее жестокости выглядят волнующими, захватывающими особенно для молодых умов. Умный пропагандист может тонко подать ужасы войны, чтобы сделать их привлекательными...»

Однако, подумал я, даже злой гений бессилен сделать привлекательными кадры, снятые в блокадном Ленинграде, где люди умирали на ходу, запряженные в санки с мертвецами. Как же режет по сердцу скрип железных полозьев о серый асфальт Ленинграда — точно бритвою по стеклу!..

Дети моего поколения не были там. Но в строю, поставленном эпохой на холодном ветреном плацу, мы совсем рядом с ними — и во времени, и в пространстве. Стоим в шинелях все того же образца и касаемся друг друга плечами: два поколения — военное и после...

Последнее мое, послевоенное, седые мальчики — отцы-фронтовики. Нам печку ремонтировали пленные, а свой печник вернулся без руки... О, танцы в клубе комбината твердых сплавов! Позвольте вас на танго пригласить? У кавалера нет ноги — есть орден Славы. «Дядь, дай твою фуражку поносить!..» А утром я дрова колол в сарае, из проволоки делал тарантас... (Так мы себе эпоху выбираем, пока эпоха выбирает нас.)

Последнее мое, послевоенное... Дров накололи — некуда сложить: березовые, белые, нетленные... Потом и правда лучше стали жить...

Свидетели — крестьяне из Подмосковья — рассказывают так:

— Немцы пришли сюда и объявили: «Мы — на Москву!» Но наши их долбанули, и они встали. У Селезнева, Атепцева... Недели через две-три, нет, погодите минутку — это ж давно было. Ну да, недели через две погнали нас в деревню Рождество. Я был с матерью и сестрой. Деревня Рождество — за лесом, четыре километра ходу. Потом дальше нас погнали, в Ерюхино — там другая материна сестра жила. Линия фронта проходила по опушке. Немцы были в тепле, в деревне, а наши — в окопах. От Киевской трассы до Горчухина оборону держал комиссар Зайцев. У него было 38 бойцов — все добровольцы из Куйбышевского района Москвы.

Ну вот. Освобождали нас сибиряки и латыши. Атепцево — сибиряки, а Елагино — какая-то латышская дивизия.

Сейчас-то у нас в деревне 80 домов. А после войны оставалась одна улица. Теперь Октябрьская называется.

Зовут меня как? Горячев Георгий Иванович. Нет, сам я не воевал. Я инвалид с детства. А другие из нашей деревни воевали. Мало кто вернулся...

Ну, что еще? Вы зайдите к моей тетке, Любовь Николаевна ее зовут. Она дома.

Любовь Николаевна рассказывала и плакала:

— При оккупантах мы жили под церковью. Я там чуть не ослепла: дымно от костров. Людей много. И есть нечего. Я была с ребенком на руках, да еще в положении. Мне было все едино. Я вылезла из-под церкви и пошла к себе в деревню. В моей избе жил их врач полковой. Они вообще в трех домах жили.

А как я к себе вернулась, зашел к нам переводчик и говорит: «Мы вас расстреляем. Есть вам все равно нечего». А я говорю: «У меня мешок картошки прошлогодней в погребе». Так, значит, и не расстреляли. Три месяца жили мы без хлеба. За водой не ходили: снега натаем и пьем.

...А когда наши, русские, пошли в наступление, фашисты зажгли дома в деревне — и на мотоциклах через мост. Мы-то как раз белье стирали под мостом. И видим, наши идут по речке. Мы им кричим: «Куда вы идете — здесь немцы». А они смеются.

После них подошла 2-я армия, саперы...

Этот эпизод не попал в кинолетопись. Что же делать создателям, если вся война из таких эпизодов?

В том районе под Наро-Фоминском 80 воинских захоронений. Не было, говорят, лютее зимы 41-го года.

— Мы хотели провести встречу с юными героями войны. Но пришли только их матери, — сказали в горисполкоме.

«Несмотря на то, что уже прошли десятки лет, память о войне еще свежа в Советском Союзе. Новобрачные всегда отправляются к Вечному огню у могил героев. Чем это можно объяснить? Только тем, что русские не хотят, чтобы это когда-нибудь повторилось» («Лос-Анджелес таймс»).

Спросите мистера Гарримана, бывшего посла США в Советском Союзе, он вам скажет то же самое: «Нет, русские не хотят».

Спросите мистера Робертсона, бывшего сержанта американской армии, участника исторической встречи на Эльбе: он грустно улыбнется, вспоминая. Покачает седой головой: «Нет». Слишком страшен был путь на Эльбу для всего человечества. И солдатское братство, рожденное тогда, на берегу, где Робертсон попробовал водки с содовой, — оно не может умереть, исчезнуть, раствориться...

Лев Толстой бесконечно верил, что только добро порождает добро. И мир на том всегда стоял и будет... Этому граф учил крестьянских детей в сельской школе, в Ясной Поляне.

Он учил их добру — и они отплатили добром: в 41-м году их прямые потомки спасли от пожара войны его дом, его книги и письма...

Разве этот пример устарел для потомков?

«Сейчас мир стал меньше, чем был, когда я родился, — написал композитор Род Маккьюэн в конце 78-го года. — Мы живем в одном мире со многими жизненными укладами, сотнями идеологий, тысячами желаний и потребностей.

Без взаимных контактов с разными людьми и различными идеями, которые они приносят в нашу жизнь, никто из нас не может быть человеком в полном смысле этого слова.

Я надеюсь, что на моем веку мы добьемся не только дружбы между советскими и американскими людьми, но и более прочных отношений со всеми народами и странами нашего крошечного мира...»

Конечно, много у нас общего, ибо все мы соседи по нашему дому — Земле. Пусть за тысячи верст или миль, но — соседи. Только память у каждого своя. И ее пограничные столбы — обелиски — разные.

Наша память как свежая рана: ее не надо шевелить — болит сама. По российским лесам до сих пор разрываются ржавые мины. В детстве у каждого из нас обязательно был пистолет. Мой ТТ отец утопил в помойке, а патроны где-то закопал... Но ведь я не о том. Я хочу спросить: что стоит наша память, если сегодня она безразлична другим?

Вот почему Роман Кармен отставил в сторону дела и мемуары и занялся этой работой, прекрасно понимая, что она — последняя. И тем не менее рискнул, сказал себе: «Это — цель моей жизни». Больше миллиона метров исторических кинодокументов из советских и зарубежных архивов просмотрела съемочная группа. Они выезжали на места боев, встречались с солдатами и генералами войны и снимали эти встречи на цветную пленку высокого качества — чтобы надолго осталось.

Мастер понимал: все рассказать о войне невозможно. Он был опытный солдат и оператор.

Но ведь что характерно: чем меньше будет на земле детей с глазами стариков, тем больше останется стариков с глазами детей. Такая простая зависимость...

Мастер понимал: все рассказать о войне необходимо. Именно сегодня. Именно американцам.

В 1976 году продюсер компании по использованию средств массовой информации «Эйр тайм интернэшнл» Фред Винер впервые приехал в Москву, в «Совинфильм» — с предложением подготовить для американских телезрителей двадцатичасовую программу «Неизвестная война»...

В 1979 году эту кинопрограмму увидят телезрители Австралии, Европы, Азии, Латинской Америки. И конечно, зрители США.

15 миллионов американцев уже видели этот фильм.

...И я вдруг представил, как, должно быть, обреченно смотрится черно-белая хроника на широких экранах в эпоху цветных телевизоров. Особенно если снята давно, еще до твоего рождения; снята чужим оператором про чужие страдания где-то так далеко... А ты у себя в Калифорнии, дома, утонешь в мягком кресле, в теплом кабинете, где тихая музыка и постоянный «эр кондишэн». И что тебе какие-то чумазые люди в солдатских шинелях, бредущие в осеннем вечном мраке бездорожья? И мертвые кони у обочин?.. А даже если и мелькнет в твоем цветном TV родной американский «студебеккер», буксующий в глубокой мягкой грязи под Оршей, то и он вряд ли тебя растревожит — этот железный дед, которого сегодня не найдешь ни на одном автомобильном кладбище.

Как же далеко ушла вперед в техническом развитии моя страна от этих ужасов войны! — может, с легкой гордостью подумаешь ты, молодой американец. А твой любимый актер Берт Ланкастер сообщит тебе столько нового с экрана! Ты только послушай, оказывается: «В Советском Союзе особенно ценились американские грузовики и истребители «Аэрокобра Р-39». Однако на Штаты приходилось лишь 3 процента всех советских военных поставок...»

Оказывается: «С июня 1941-го по июнь 1944 года $^3/_4$ всех военных сил фашистской Германии сосредоточивались на советском фронте».

Но факт остается фактом: поздний десант союзников ранним летом 44-го года все-таки высадился в Нормандии. И на Эльбе американский сержант Робертсон пил водку с содовой с русскими солдатами. Все это было, было, было. Не надо только забывать, пусть даже ты родился после той неизвестной войны...

— Задумываясь о злодеяниях фашизма, я понимаю особенно ясно, как важно, чтобы мой народ увидел эти двадцать часов неизвестной американцам войны на Востоке, — сказал Берт Ланкастер.

А Восток для него — это прежде всего Россия. А значит, и Москва, и Марьина роща, где мы счастливо жили тогда, в небольшом деревянном доме, все вместе. И где была по воскресеньям булка с маслом и яблоко антоновка. И где отец построил голубятню и мы гоняли белых голубей. Где они поднимались кругами над крышей, над старой Москвой и над миром, играя на солнце крылами: была же весна...

И был мир на земле. А мир, как известно, — это единственное, ради чего должна вращаться Земля. Разве нет?

Фото С. ПЕТРУХИНА

МУЖЕСТВО ВЬЕТНАМА

А. ЛЕВИН,
наш спец. корр.

Они действовали в полном соответствии с классическими образцами подлости и вероломства. Ранним утром, когда вьетнамские города и деревни еще спали, на них обрушился шквал артиллерийского огня. Потом пошли танки, а следом — пехота. Танки врывались в населенные пункты и прямой наводкой били по жилым домам, превращая крестьянские хижины в пылающие факелы. Озверевшая китайская солдатня не щадила на своем пути никого. Падали замертво под прикладами автоматов старики, заколотые штыками женщины. Обрывался пронзительный крик брошенных в огонь детей. А вслед за войсками интервентов на вьетнамской земле появлялись специальные команды на грузовиках. Они увозили в Китай имущество жителей приграничных населенных пунктов, угоняли скот, работоспособную молодежь. Особое усердие проявляли хуацяо — китайцы, жившие раньше во Вьетнаме. Накануне агрессии их сманили в Китай, чтобы потом создать из них карательные отряды. Китайские захватчики проводили на вьетнамской территории тактику выжженной земли, превращая в пепелище деревни, уничтожая посевы риса на полях.

В дни подлого нападения китайской военщины на Вьетнам я находился в приграничной провинции Лангшон. Встречался с эвакуированными жителями, народными ополченцами, бойцами Вьетнамской народной армии. Слышал много рассказов о зверствах китайских солдат. Рассказов о чудовищных, гнусных преступлениях против мирного населения. Житель деревни Каолао говорил мне о том, как два китайских солдата из подразделения, которое дотла сожгло эту деревню, разорвали на части четырехлетнюю дочку его соседа. Крестьянка из Тамлунга, рыдая, поведала страшную историю о том, как ее сынишку оккупанты подбросили в воздух и подставили снизу штыки. Боец народного ополчения Дык Мыой видел, как китайские танки стреляли по магазину в городе Донгданг, где в это время находилось несколько десятков людей.

Но, несмотря на то, что нападение было предательски неожиданным, вьетнамские бойцы и народные ополченцы выдержали натиск агрессоров, стойко отражали яростные атаки пехоты и танков, нанося захватчикам ощутимые потери.

Когда мы находились в районе боевых действий на лангшонском направлении, командующий войсками этого района старший полковник Ле Шон рассказывал нам, что одну из важных позиций вблизи города защищали всего тридцать четыре человека из народного ополчения, среди них двадцать шесть девушек. Волнами накатывались на позицию танки и пехота захватчиков, но каждый раз защитники отбрасывали во много раз превосходящие силы противника. Они продержались до подхода подкрепления, и позиция была удержана.

Китайская военщина давно планировала эту агрессию. Еще в прошлом году во Вьетнаме мне была предоставлена возможность встретиться с арестованными на территории СРВ шпионами Пекина. Они говорили о том, что получили задание вести подрывную деятельность на севере Вьетнама, собирать информацию о численности вооруженных сил, создавать диверсионные группы, инспирировать антивьетнамские выступления среди национальных меньшинств. «Мы должны подчинить себе Вьетнам, — напутствовали своих агентов китайские секретные службы. — Если методы политического и экономического давления не принесут результатов, мы сделаем это военной силой».

От угроз и провокаций на границе Пекин перешел к прямой вооруженной агрессии против Социалистической Республики Вьетнам. Американскому империализму в свое время не удалось поставить мужественный вьетнамский народ на колени. В последние годы это пытаются сделать пекинские экспансионисты. Вьетнамская авантюра маоистов — составная часть более обширного плана по установлению гегемонии Пекина в Юго-Восточной Азии.

Однако новоявленным мандаринам не удалось запугать вьетнамский народ, который проявил выдержку и хладнокровие перед лицом наглого вторжения. Миллионы вьетнамцев грудью встали на защиту своей родины. Уже в первые дни агрессии я был свидетелем того, как молодежь приходила в комитеты комсомола, на призывные пункты с заявлениями об отправке на передовую. И по дорогам, ведущим к северной границе, двигались грузовики со вчерашними студентами, рабочими, крестьянами, одетыми в армейскую защитную форму. А над грузовиками гордо реяли алые стяги республики с золотой звездой посередине.

Как и в годы американской агрессии, вьетнамский народ не был одинок в своей борьбе. Многомиллионный голос тех, кому дорог мир, зазвучал по всей планете в поддержку Вьетнама. Советский Союз, страны социалистического содружества заявили о своей твердой решимости оказать необходимую поддержку и помощь вьетнамским братьям.

Мужество Вьетнама, братская солидарность и верность своему интернациональному долгу его друзей — вот что было залогом победы гордого и свободолюбивого народа над захватчиками. Агрессия потерпела провал.

Лангшон — Ханой — Москва, март

смотрите!

На этих снимках вы видите будничные приметы апартеида, «раздельного развития рас»: белой — ее представляют запечатленные на снимке слева лощеные господа из Иоганнесбурга, и черной — на снимке справа представителя этой расы коренных жителей Африки подвергают унизительной проверке «визы на жительство».

На других снимках: десятки, сотни тысяч семей, обреченных на вымирание от голода и болезней в бантустанах (внизу слева); десятки, сотни тысяч молодых африканцев, обреченных на каторжный труд за ничтожную плату (внизу справа); десятки, сотни поселений, уничтоженных карателями (снимок в центре).

ТРИБУНА МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРА: РАСИЗМ

НИЧТО НЕ БУДЕТ КАК ПРЕЖДЕ

Папи Отыкиле МОЛОТО,
член руководства
молодежной и студенческой
секции Африканского
национального конгресса (ЮАР)

За последние двадцать лет сделано немало в долгой, изнурительной и упорной борьбе с расизмом. Организация Объединенных Наций приняла декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, о ликвидации всех форм расовой дискриминации, осудила апартеид. 1973—1983 годы ООН объявила десятилетием борьбы против расизма и расовой дискриминации.

Но не подумайте, что капиталистические государства поддержали инициативу СССР и других социалистических стран и проголосовали за эти документы из каких-то человеколюбивых, нравственных соображений. Совсем нет. Расизм — плоть от плоти капитализма, порождение погони за прибылью. И сегодня развитые капиталистические государства готовы отказаться от расизма в его старых формах не потому, что он противен всем моральным нормам, а чтобы не потерять влияние и связи с молодыми независимыми африканскими государствами, чтобы вместе с расизмом не был уничтожен и строй, породивший его.

Расизм опасен для будущего Зем-

ли. Он не только держит в напряжении целые континенты (а мы знаем, что в наши дни каждый местный конфликт вызывает тревогу за судьбу мирной жизни на всей планете), он не только открывает дорогу самой оголтелой реакции, но он покушается и на нравственное здоровье человечества. Именно поэтому он враждебен всему молодому, прогрессивному. Расизм, как и породивший его капитализм, вообще вне нравственных и моральных законов, он мстителен и коварен, подобно эпидемии, он способен в видоизмененных формах поражать районы, где есть для него питательная почва — перспектива баснословных прибылей.

Обратимся за примерами к истории. На смену рабовладельческим порядкам в их классической форме (Древний Рим) пришли, как известно, феодальные отношения. Однако, когда европейцы начали заселять Новый Свет, то есть Американский континент, они вспомнили о дешевом труде рабов, и произошло возрождение работорговли и рабства! Это было в эпоху заката феодализма, и силой, возродившей рабовладение, оказался капитализм, представавший в ту пору как более передовой строй, открывавший простор для развития производительных сил. И громче всех его нахваливали, понятно, сами буржуа, возомнившие себя представителями «истинной демократии». Тем не менее новорожденный капитализм охотно заимствовал у рабовладельческого строя идею эксплуатации черных невольников. Причем самое большое распространение рабство получило в стране, которая гордится тем, что она первой, в 1776 году, то есть за три года до французской революции, провозгласила в Декларации независимости свою приверженность «свободе, равенству и братству».

Эксплуатация почти даровой рабочей силы позволила молодому североамериканскому капитализму нарастить жирок, набраться сил и обрести полную экономическую самостоятельность и политическую независимость от британской короны. Но затем рабовладельческие порядки в южных штатах стали тормозить экономическое развитие. Отказаться от дешевой «черной» рабочей силы, уравнять в правах бывших рабов и белых североамериканский капитализм не мог и не хотел. Поэтому рабовладение, законодательно отмененное в результате гражданской войны 1861—1865 годов, было заменено новой структурой общественно-экономического и нравственно-культурного угнетения — расизмом. Эта структура оказалась необыкновенно живучей: несмотря на отмену в последние десятилетия большинства законодательных ограничений, закреплявших подчиненное положение черного меньшинства, расизм США, как мы знаем, процветает и в наши дни.

Если же говорить о моей родине, Южной Африке, то рабство сюда было в свое время импортировано из других стран. Дело в том, что первоначально, когда выходцы из Европы основали Капскую колонию, коренные жители сопротивлялись завоевателям так отчаянно, что и речи не могло быть об установлении рабовладельческих порядков. Тем не менее белые колонисты прибегли к другим формам угнетения африканцев, по существу, мало отличавшимся от рабства.

В 1797 году голландские владения в Южной Африке перешли в руки англичан. И именно тогдашняя Великобритания, носившаяся со своим «либерализмом», посеяла семена современной практики апартеида. Африканец обязан был работать на хозяина и иметь при себе документ, удостоверяющий, что у него есть хозяин, с которым он связан контрактом. К тому времени в Южной Африке уже сложилась идеология белого расизма: белый — господин, черный — его слуга.

Расизм и в те далекие времена проявлял себя в самых разных формах, и прежде всего — в захвате земель местного населения. Закон признавал право на владение землей только за европейцами. Африканцы ведь дикари, зачем им земля? Это была бесстыдная ложь, пущенная в ход, чтобы прикрыть откровенный грабеж. В действительности у африканцев Юга была тогда весьма развитая общественная структура. Примитивная племенная организация уже переросла в государственные образования — королевства. Внутри этой структуры происходило расслоение на сословные группы. Существовало, например, королевство Зулуленд, сложную военную организацию которого нельзя назвать племенной.

С развитием капитализма Европе требовалось все больше промышленного сырья. И Капская колония начинает экспансию в глубинные районы континента. Возникают новые и новые овцеводческие фермы — английским фабрикам нужна шерсть. Соответственно возрастает и ценность южноафриканских владений для Англии. Когда в 1867 году в районе Кимберли были найдены алмазные россыпи, аппетиты британских промышленников разгорелись как никогда раньше.

В Кимберли хлынул поток старателей. Шанс быстро разбогатеть гнал людей из Англии в далекую Южную Африку. Алмазная лихорадка порождала дикую враждебность к африканцам: а вдруг те захотят воспользоваться обнаруженными сокровищами? Африканец не имеет никаких прав на алмазы, найденные в землях его предков, — это колонизаторское кредо было в крови у тех, кто приехал в Африку за богатством. Расовые предрассудки и жажда наживы всегда идут рука об руку. Где капитал, там и расизм. И наоборот.

Посмотрим, как дальше развивались события. В 1910 году, когда вся южная оконечность континента оказалась в руках Великобритании, была образована огромная колония Южно-Африканский Союз. Первым законом, регулирующим трудовые отношения в ЮАС, был «акт о копях». В нем говорилось, в частности, что африканцы не имеют права создавать собственные профсоюзы. И вот что любопытно. Этот драконовский пункт был внесен в закон — по чьей бы, вы думаете, инициативе? Чиновников, промышленников? Нет, по инициативе тех, кого принесла в Африку алмазная лихорадка, а неудача превратила в рабочих. Что же побудило этот еще не сформировавшийся «белый» рабочий класс Южной Африки выделить себя из общей рабочей массы, противопоставить себя черным рабочим? Да все та же идеология колониализма. Сами того не сознавая, эти люди стали жертвой игры, которую вел капитал. Натравливая белых рабочих на черных, вызывая ненависть черных ко всем без различия классам белых, капитал получил гарантию того, что его власть не будет иметь дела с единой оппозицией.

Посеять взаимный страх между черными и белыми рабочими, сделать профсоюзы по возможности беззубыми, не позволить африканцам приобрести опыт рабочей организации — этого добивался и добивается капитализм в Южной Африке. Именно таким путем он старается обеспечить порядок и послушание в шахтах, копях и рудниках. Ведь белому рабочему, если он поднимает голос громче дозволенного, надо опасаться не только увольнения, но и перевода на положение рабочего-африканца. Это издавна любимый прием капитализма в Южной Африке. Не раз бывало, что стачки белых рабочих срывались из-за того, что предприниматели заменяли забастовщиков африканцами. И наоборот, белые рабочие срывали стачки туземных.

Тем временем Европа сползала к грандиозному кризису 30-х годов, и, когда он разразился, буржуазия в ряде стран — Германии, Италии, Испании — увидела выход в фашизме. Удушение демократических прав трудящихся происходило параллельно с возведением расизма в ранг государственной политики. С подъемом гитлеровской Германии происходит рост и укрепление фашистских элементов в Южной Африке. Великобритания и пальцем не пошевелила, наблюдая, как южноафриканский национализм смыкается с гитлеровским национал-социализмом.

Пришедшее к власти в ЮАС в начале 30-х годов правительство Герцога отобрало у африканского населения и те немногие права, которые

оно к тому времени завоевало. Например, было отменено право участвовать в выборах, которое предоставила британская метрополия коренным жителям Капской провинции. Конечной целью жестокого антиафриканского законодательства было обеспечить капиталу сверхприбыли за счет эксплуатации почти даровой рабочей силы, поставленной фактически в крепостную зависимость от предпринимателей. Вот вам еще одна иллюстрация того неоспоримого исторического факта, что капитализм, когда ему выгодно, без стеснения заимствует формы угнетения у любого эксплуататорского строя — и рабовладельческого, и феодального.

Расизм, проповедуемый южноафриканскими националистами, был, таким образом, на руку предпринимателям — и местным, и иностранным. И естественно, что идея «белого господства» в Южной Африке нашла самое полное понимание со стороны «просвещенного», «гуманного» капитализма Великобритании. Его нисколько не смущало кровное родство этой идеи с гитлеровским национал-социализмом.

В 1948 году к власти в Претории приходит националистическая партия. Но для английского капитала, как это ни покажется странным на первый взгляд, правление националистов оказалось даже предпочтительнее, чем сохранение власти за проанглийскими партиями либерального толка. При либералах отдельные группы черного и цветного населения ЮАС могли бы проникнуть в сферу бизнеса и со временем превратиться в силу, конкурирующую с самим английским капитализмом. Такая перспектива отнюдь не устраивала британские монополии. Они с гораздо большей охотой пошли на компромисс и сотрудничество с националистами. Тем более что африканеры[1] по сравнению с африканцами составляют очень малочисленную группу населения (африканцев в ЮАР примерно 19 миллионов, лиц европейского происхождения, включая африканеров, — около 4 миллионов. Еще около 3 миллионов человек — метисы и выходцы из Азии. — Примеч. ред.). Таким образом, африканеры не могут представлять в любой отдаленной перспективе сколько-нибудь серьезную угрозу экономическим интересам Англии в ЮАР. Отсюда и этот симбиоз, разделение власти: политическая — в руках африканерских националистов, экономическая — в руках иностранного, главным образом британского, капитала (считают, что капиталовложения Англии в ЮАР составляют от 3 до 5 миллиардов фунтов стерлингов).

Десятилетиями белому населению ЮАР внушали страх перед «черной опасностью»: мол, черные придут к власти, и начнутся хаос, резня, насилие. На такие запугивания наиболее податливы необразованные африканеры. Правящая националистическая партия умело играет на их предрассудках, передаваемых из поколения в поколение.

В последние годы в прочном на вид африканерском единстве стали появляться трещины. Нынешняя ситуация в ЮАР — это вызов прежде всего молодому поколению. Существующий расистский режим слишком реакционен, чтобы продержаться долго. Его экстремизм порождает сопротивление со стороны в первую очередь рабочего класса, на плечи которого обрушились все последствия и экономического, и политического кризиса, переживаемого сейчас ЮАР. Непримиримый антагонизм становится характерной чертой в отношениях между режимом и народом в целом. Молодые африканеры все больше втягиваются в прогрессивную деятельность студенческих и рабочих организаций, которые стремятся улучшить отношения между белыми и черными. Среди членов Африканского национального конгресса сейчас есть и белые. В тюрьмах ЮАР белые заключенные отбывают сроки за «подрывную деятельность», за попытки сбросить режим апартеида силой оружия. Безвозвратно ушло то время, когда белое население ЮАР рассматривалось как единый сплоченный фронт, и главное — происходит размежевание по классовому признаку — на враждебные друг другу рабочий класс и африканерскую буржуазию.

Организация, в которой я состою, Африканский национальный конгресс (АНК), уже в преамбуле своей политической программы подчеркивает, что Южная Африка принадлежит всем, кто ее населяет, — безотносительно к цвету кожи. Ни одно правительство не может считаться законным, если оно не представляет всего населения Южной Африки. Мы стараемся донести до белого населения ЮАР ту истину, что ему нечего бояться, что его благополучие обеспечат не фашизм и апартеид, а силы демократии. При этом мы ссылаемся на примеры других стран, где навсегда покончено с расовой дискриминацией, — независимых африканских государств, стран социализма, в частности Кубы. Население Кубы состоит из белых и черных, которые живут в такой гармонии, что никому и в голову не приходит искать какое-то различие между белыми и черными кубинцами.

Расизм опасен еще и тем, что вызывает такую ответную реакцию со стороны угнетенных, которая первоначально тоже отдает расизмом, так называемым «расизмом наоборот». Только рост политической грамотности и сознательности народа дает антирасистской борьбе верное направление. Вот почему АНК придает такое большое значение массовой пропаганде, терпеливой работе по политическому просвещению черного населения. Мы не настраиваем его против белых, мы боремся против идеологии и практики белого расизма. В свое время в нашей стране имел хождение лозунг: «Сбросить белых в море!» Движение, которое его пропагандировало, ни к чему хорошему не привело и умерло, когда черное население отвернулось от него.

Мы все время подчеркиваем, что боремся не против «белых» угнетателей, а против угнетательского режима, который ставит интересы капитала превыше интересов всех трудящихся — и белых, и черных, и «цветных», который действует рука об руку с иностранными монополиями. Ведь именно поддержка со стороны иностранных «денежных мешков» дает режиму Претории возможность наращивать вооружение, закупать у Запада технологию для его изготовления непосредственно в ЮАР. Оружие это пускается затем в ход и в ЮАР, и в Намибии, и в Зимбабве.

И в то же время, участвуя в международных кампаниях против апартеида, мы видим, что прогрессивная общественность во всех странах расценивает расизм как угрозу всему человечеству. Поэтому расистский режим изо всех сил пытается придать себе видимость «демократического» государства западного типа. Но даже буржуазные демократии не могут позволить себе рассматривать как демократическое государство такой режим, который на деле проявляет себя как фашистский. Открытую дружбу с Преторией водят теперь только профашистские режимы Южной Америки да Израиль. Западные же державы стараются убедить Преторию провести умиротворительные «косметические» реформы, чтобы окончательно не потерять в ближайшем будущем сверхприбыли от капиталовложений в Южной Африке.

Поэтому сегодня мы можем говорить о двух узлах противоречий: между режимом апартеида и эксплуатируемыми, между Преторией и соседними независимыми африканскими государствами, пример и поддержка которых внушают уверенность нашему народу вести борьбу до победы. В настоящее время национально-освободительное движение достигло такого уровня, когда уже невозможно остановить его репрессиями. Форпост империализма на Юге Африки дал трещину. В ЮАР уже ничто не будет как прежде.

Перевел с английского Б. СЕНЬКИН

[1] Так называются потомки первых голландских поселенцев в Южной Африке. — *Примеч. ред.*

АГОНИЯ РАСИЗМА

6 миллионов и 250 тысяч — таково соотношение африканского и белого населения страны, у которой два имени: Зимбабве и Родезия. Первое имя дал своей родине ее народ — африканцы. Второе — белые колонизаторы, присоединившие Зимбабве к английской короне в конце прошлого века.

А более полувека спустя, в середине 60-х годов, английские колонизаторы решили самочинно освободиться от опеки метрополии и провозгласили независимость. Цель этой акции заключалась в сохранении и упрочении расистского господства белого меньшинства над коренным населением Зимбабве. Однако достигнуть этой цели расистам не удалось. Напротив, с каждым днем становится все яснее, что дни расистского режима сочтены. Не помогло ни современное оружие, ни отряды наемников, ни подкуп предателей африканского народа, готовых выполнять роль марионеток белых хозяев, ни попытки империалистических держав Запада найти «компромиссное» решение, которое позволило бы расистам удержать уплывающие из рук богатство и власть.

В настоящее время Родезия — фронтовое государство: две трети ее территории охвачено военными действиями. Народ Зимбабве, объединившись в Патриотический фронт, самоотверженно борется за свою свободу, за свою страну, за свое право решать свою судьбу, громит войска расистов и их наемников, отвергает любые компромиссы. Потому что какие же могут быть компромиссы с теми, кто в злобе и панике заявляет: «Если нам придется уйти из этой страны, мы уничтожим все собственными руками. Мы оставим после себя пустыню». Какие могут быть компромиссы с теми, кто травит собаками людей только потому, что у них черная кожа, уничтожает стариков, женщин, детей только потому, что среди них могут оказаться бойцы Патриотического фронта, кто устанавливает в окнах своих домов пулеметы и учится одному — стрелять.

МЫ ЖИВЕМ НА ГОРЕ ОТЧАЯНИЯ, НА ОБЛОМКАХ РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД...

(ОТРЫВКИ ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГИ АВСТРАЛИЙСКОГО АБОРИГЕНА)

Чарльз ПЕРКИНС,
австралийский общественный деятель

...У нас была большая семья. Дети рождались и умирали еще маленькими — в буше никто не ведет счет рождению и смерти. В те годы, когда я родился, на Северной территории действовал порядок, по которому детей, если у них была хоть капля «белой» крови, обязательно забирали из племени. Выполняя инструкции министерства по делам аборигенов, полиция отнимала у матери ребенка в возрасте двух-трех лет и помещала его в специальную резервацию. Так случилось и со мной. Так что думаю, меня можно считать типичным «ублюдком из буша», как в Австралии это принято называть.

Резервация была недалеко от старого Элис Спрингса, тогда он еще назывался поселок Стюарт. Новый город только начинал строиться в нескольких милях от него. На улицах царила непролазная грязь, террасы вместо столбов крепились на толстых стволах деревьев, и все это было очень похоже на городок из американских ковбойских фильмов. Нам, детям, разрешалось ходить в город только по субботам — посмотреть кино. Некоторым взрослым аборигенам тоже разрешали бывать в городе, но они должны были вернуться в резервацию до захода солнца.

Иногда мы прокрадывались через пустынно-голые земли резервации и смотрели с холма на Элис Спрингс — место, где живут белые люди. Полицейские ловили нас и возвращали обратно. Тогда аборигенов почти ничему не учили, так же как, впрочем, и сейчас. Власти никогда не относились к образованию аборигенов всерьез. Так они живут и умирают, едва умея читать и писать.

Детям не разрешали встречаться с людьми из племени. Я лишь раз в жизни видел свою бабушку — из-за изгороди резервации. Мне не велели разговаривать с ней. Вскоре я узнал, что она умерла.

Каждому из нас внушали: «Ты больше не абориген. Ты белый. И останешься им навсегда». Я вырос, не зная семьи, оторванный от жизни племени, от культуры и традиций своего народа. Мы, «нечистокровные» аборигены, оказались на ничейной земле, не принадлежали ни к белым, ни к черным. Мы были никем и ничем и для белых и для аборигенов. Мы оказались по другую сторону забора.

Всю жизнь во мне росла неудовлетворенность. Она заставляла меня добиваться того, что другие аборигены сочли бы недостижимым. Меня толкало на это чувство, что что-то было не так, что-то было неправильно в моем детстве. Вспоминая встречу с бабушкой, я часто думал: «Почему эта старая темнокожая женщина должна стоять за забором и не может заговорить со мной? Почему я не могу поговорить с ней? Почему она не живет с нами?» Тогда я не мог ответить на эти вопросы, но и сейчас они сводят меня с ума.

Однажды к нам в резервацию приехал белый священник. Он отобрал группу ребят и повез их в город учиться. Так я попал в Аделаиду. Мы ходили в обычную школу, где учились и белые дети, жили в таких же домах, как и все. Но были другими. Мы знали это. И они знали это.

Порой мы слышали: «Погляди-ка, черномазых ведут!»; «Посмотри! Ниггер!» Мы оглядывались, чтобы узнать, о ком говорят. Оказывается, говорили о нас! Это казалось странным. Чувство оторванности от всех, своей «особости» росло и становилось мучительным.

В школе мы были «або», другие ученики и учителя — «белые». Разница была во всем: у нас не было красивой одежды, карманных денег, велосипедов, вкусных завтраков. А у белых все это было, и они презирали нас и за это тоже.

На улице нас дразнили белые ребята, все обращались с нами не так, как с остальными, нас никогда не приглашали зайти к кому-нибудь домой, как других. Больше всего с аборигенами общались священнослужители. Они звали нас на пикник или на утренник, потому что считали благим делом устроить праздник для маленьких темнокожих. Но эти отношения не были естественными. Я помню священника, кото-

рый, казалось, любил нас. Но однажды он не пустил нас в дом, потому что у него были белые гости. Больше мы никогда с ним не разговаривали.

Нам, аборигенам, свойственно считать людей, настроенных дружелюбно, близкими друзьями. Как правило, это приводит лишь к разочарованиям. Белый парень бросает: «Привет», а мы уже думаем: «Он хороший малый. Он мой друг». Мы все еще живем в двух разных мирах, и нам приходится постоянно приспосабливаться то к одному, то к другому. Мне порой нужно прилагать огромные усилия, чтобы держаться естественно в обществе белых. Я чувствую себя легко только среди моего народа.

Школа ничего не значила для меня, уроки не интересовали. Никто не объяснил мне, почему я должен старательно учиться. Нам говорили только, что мы смутьяны, что мы слишком много едим, что мы очень дорого обходимся церкви. Мы были тяжким бременем для церкви и, если вдуматься, для всех и каждого.

Иногда я думал: «Должно быть, со мною что-то неладно, если этот парень называет меня ниггером с такой ненавистью в голосе». Во мне росло чувство, что я недостаточно хорош, что я посторонний в школе, посторонний среди этих людей. И я не принадлежу ни к кому. Белое общество сказало мне, что я белый, но отвергло меня. Они отняли у нас наследие аборигенов и не дали ничего взамен.

На городской танцплощадке в Аделаиде девушки обычно стояли у одной стены, юноши — у другой. Когда начинала играть музыка, парни подходили и приглашали на танец. Со мной девушки никогда не хотели танцевать. Я проходил вдоль всего ряда и от каждой получал отказ. Девушки смеялись: «Опять пришел этот черномазый!» Юноши грозили: «Я вышвырну его отсюда, если он посмеет танцевать с моей девушкой...»

А я говорил себе: «Эти люди не сломят меня. Я буду приходить сюда до тех пор, пока кто-нибудь не согласится со мной танцевать».

Я ходил на танцплощадку один. Иногда там оказывались двое-трое моих бывших одноклассников. Они не хотели разговаривать с «або» на глазах у своих белых приятелей и, неопределенно хмыкнув, спешили отойти от меня. Это еще удваивало мое унижение.

Выслушав отказы 50—60 девушек, получаешь неплохой урок мужества. Я поступал так намеренно, чтобы выработать умение добиваться своего.

В годы, когда я играл в футбол, мой белый собеседник, чтобы оправдать себя перед окружающими, постоянно искал повода заметить: «Чарльз чертовски здорово играет в футбол». Это означало: «Он, конечно, абориген, но великолепный футболист, и, следовательно, его можно терпеть».

Такое знакомо сегодня всем чернокожим спортсменам. Их пребывание в обществе белых «прощается». Спортивная слава дает им пропуск в мир белых, но не как аборигенам или просто людям, а лишь как спортивным звездам — модным кумирам.

Футбольная карьера открыла мне дорогу в университет. Я решил учиться, чтобы иметь возможность помочь моему народу. Это стало моей целью в жизни. После окончания Сиднейского университета мне удалось попасть в министерство по делам аборигенов.

Думаю, что первый год в министерстве был специально отведен, чтобы приручить меня, заставить молчать, осознать отведенное мне место. Я делал все, чтобы не поддаться. Я причинял всем массу хлопот, потому что критиковал правительственные программы, уже провозглашенные или даже воплощенные в жизнь. Но я видел, что все эти правительственные решения только ухудшают положение моего народа, и не мог молчать.

Я боролся с неизвестной мне силой, находящейся в неизвестном мне учреждении, которое издавало бессмысленные и жестокие приказы. Пользуясь случаем, я выступал на заседаниях и выпаливал все, что накипело на душе. А они говорили: «Как все аборигены, он чересчур эмоционален. Они не умеют объективно обсуждать проблему... Может быть, они научатся этому в ближайшие 40—50 лет. Еще через два-три поколения, может быть, они станут такими, как мы, — хладнокровными и объективными». «Типичные белые, — думал я, — всегда хладнокровны и объективны, когда речь идет о чужих проблемах...»

Меня оскорбляли многократно, даже не замечая того. Один чиновник сказал мне на заседании: «Беда с вами, полукровками, от вас добра не жди — все вы ублюдки. Вы хуже аборигенов».

Я не раз слышал подобные слова, читал их в газетах, но когда такое говорится в лицо, за столом заседаний, под видом полушутки — это сокрушительный удар. Но я терпел: я должен быть полезным моему народу.

Мне говорили: «Мы повысим вас в должности. Но делать это придется постепенно. Могут быть возражения». «Вот как? — думал я. — Большинство вышестоящих чиновников министерства по делам аборигенов никогда не видели аборигенов, никогда не разговаривали с ними, и все же — были моими начальниками».

Я ответил: «Это надо сделать как можно быстрее. Я хочу работать. Я ждал этого более 36 лет. Аборигены 200 лет ждут возможности самостоятельно решать свои дела!»

Когда меня назначили помощником министра по делам аборигенов, я подумал: «Наконец-то я смогу участвовать в выработке решений, касающихся судьбы моего народа». Но меня ждало разочарование. Очень скоро я понял, что все наиболее важные решения принимают три высокопоставленных чиновника, которые никогда не разговаривали ни с одним аборигеном, но уверены, что знают, как и где те должны жить. Я не мог смириться с этим, не мог смириться и с деятельностью всего министерства. Я пытался что-то изменить, добиться отмены инструкций, которые считал бесполезными, если не вредными для аборигенов. Но не этого от меня ждали. Я был нужен министерству в качестве символа, так же как эвкалипт служит символом Австралии. Некое экзотическое украшение, выставленное на всеобщее обозрение.

Кончилось тем, что мне сделали несколько предупреждений, а потом и вовсе отстранили от дел. Меня перестали пускать на обсуждение наиболее важных решений, запретили посещать поселения аборигенов. Так постепенно я превращался в министерстве в мебель. Если меня не выгоняли, то только потому, что я был нужен как вывеска — единственный абориген в министерстве по делам аборигенов.

Тогда я решил ездить по стране, выступать во влиятельных клубах и рассказывать о том, как постепенно гибнет мой народ. Но все было напрасно. Я мог говорить о неграх в Америке, о черных в Южной Африке, но не об аборигенах в Австралии. Меня не хотели слушать. «Ну почему же, в доме рядом со мной живет абориген, в соседнем квартале — еще один. Они вполне счастливы... К чему зря беспокоиться?» Их любимая фраза: «Давай не будем ворошить прошлого!»

И вот я перед вами: человек в расцвете сил, закончивший курс социологии, антропологии, психологии и политических наук в одном из лучших университетов мира. Я бывал за границей, причем дважды в качестве официального представителя австралийского правительства. Я накопил денег и купил собственный дом в прелестном пригороде Канберры. Я руководитель многих организаций аборигенов по всей стране, помощник министра в министерстве по делам аборигенов. И в то же время я чувствую себя полностью подавленным не только бесполезностью работы министерства, но тщетностью моих собственных усилий...

Что же будет с белыми и черными в нашей стране? Будем ли мы проливать кровь? Или будем искать счастья для всех и найдем его? Оставим ли мы ненависть в наследство нашим детям или построим для них гармоничное общество? Только все вместе мы можем изменить мир к лучшему. Люди, черные или белые, не должны страдать. Должно же быть в этой стране хоть немного счастья и для моего народа...

Перевела с английского С. СУХАЯ

«СМОТРИ У НАС, МОЗГЛЯК...»

Сейчас, когда безработица принимает все более угрожающие масштабы, белому населению Америки то и дело приходится сталкиваться с этническими группами, о которых оно до сего дня слыхом не слыхивало. К примеру говоря, с самоанцами.

Впрочем, кому-кому, а жителям Сан-Франциско следовало бы знать об их существовании. Кто из нас не встречал на улицах города хотя бы одного такого полинезийского гиганта! Даже футболисты профессиональной лиги, эти громилы, у которых голова размером с арбуз, а на широченной груди болтаются йо-йо[1], кажутся рядом с ними дистрофиками.

В миссии, представляющей в Сан-Франциско острова Океании, пронесся слушок, что администрация бюро по найму решила сократить число рабочих мест, обещанных ранее на период летнего сезона. Тогда молодые безработные решили направить в бюро своих представителей, чтобы те нанесли массированный удар по тамошним бюрократам. В делегацию вошли черные, чиканос, филиппинцы и около десятка самоанцев.

Босса № 1 на месте не оказалось. Но им сказали, что к ним сейчас выйдет босс № 2.

[1] Йо-йо — чертик на ниточке. — *Примеч. перев.*

«Присаживайтесь, джентльмены», — раздается голос в дверях, и на пороге возникает мужчина, одетый хуже некуда. У босса № 2 вид человека, приговоренного к пожизненному заключению. Эдакий смирный ягненочек от чиновного ведомства.

Он берется за спинку стула и, сев задом наперед, кладет подбородок на деревянную планку. Всем своим видом он словно говорит: «Чувствуйте себя как дома. У нас тут запросто, без этих самых...»

«Мне очень жаль, — начинает он, — что вы не застали мистера Джонсона. Он уехал в Вашингтон для согласования важного рабочего проекта. Он был бы счастлив встретиться с вами, но, сами понимаете, его присутствие в Вашингтоне сейчас гораздо важнее. Для вас самих же».

Говоря, он описывает руками замысловатые фигуры и временами делает энергичное рубящее движение ладонью, означающее, видимо, следующее: «Вы же видите, мы делаем все, что в наших силах...»

«Я, конечно, не могу говорить за начальство, — продолжает он, — но, смею вас уверить, мы постараемся удовлетворить все ваши требования. А сейчас я готов ответить на вопросы».

И вдруг вас осеняет. Как же это мы сразу не догадались! Ну конечно, этот человек — пэвэошник![1]

на стр. 18▶

[1] От ПВО — силы противовоздушной обороны. — *Примеч. перев.*

«НИ НАМЕКА НА КЛАССОВОЕ ПРЕВОСХОДСТВО...»

В два, не то в три, а может быть, в четыре часа ночи Леонард проснулся от какой-то безотчетной тревоги. Сегодня, 25 августа, его день рождения... Опять эта бессонница! Делать нечего, остается старый, испытанный способ. Он встает с постели и начинает прохаживаться. Его пошатывает. И вдруг — видение. Он, Леонард, блистательный дирижер, знаменитый музыкант, композитор, выходит на авансцену в белом галстуке и во фраке. Оркестр застыл в ожидании. Справа от дирижерского пюпитра рояль. Слева, на стуле, гитара. Он берет в руки гитару... ГИТАРУ! Каково?.. Остается только сбацать что-нибудь... Нет-нет, дело, оказывается, серьезнее. Ему предстоит исполнить песню протеста! «Я люблю», — обращается он к сидящим в зале. И все, ни слова больше. Вдруг из-за рояля поднимается какой-то негр и говорит: «Зрители хотят знать, что будет дальше». Но Леонарда словно зациклило. «Я люблю. Amo ergo sum»[1]. «Надо же так осрамиться, — говорит негр. — Я б на вашем месте со стыда сквозь землю провалился». Тут у Леонарда проходит всякая охота продолжать свое выступление, он встает и уходит.

А что, идея сама по себе неплохая. Он на секунду представил мысленно газетную шапку: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРИЗЫВ ДИРИЖЕРА ВСКОЛЫХНУЛ КОНСЕРВАТОРСКУЮ АУДИТОРИЮ. Но тут же сник. Черт знает что! Какой-то негр выставляет его на посмешище. Привидится же такое...

М-мм-мм. Какая прелесть. Орешки, запеченные в рокфоре. Мм-ма! Пальчики оближешь... Интересно, что эти черные едят на закуску? Понравятся ли им орешки в рокфоре или, скажем, спаржа под майонезом? Все это, разумеется, на серебряных подносах, которые внесет прислуга, одетая в белые передники. Аперитив подаст дворецкий... Его мысли принимают несколько метафизическую направленность, но что уж тут поделаешь: не каждый день в радикальных высших сферах Нью-Йорка приходится принимать черных леваков... Поди догадайся, что неужто у них все как у нас? Неужто они точно так же отправляют в рот орешки, запеченные в рокфоре?!

...Фелиция просто молодчина. Смотрите, как непринужденно она держит себя с черными, ну точь-в-точь как с Лилиан Хеллман[1] или Джан-Карло Менотти, или внучкой Чаплина на традиционном суаре после концерта. Ах, какие звезды, какие россыпи звезд блистают в их доме на этих вечеринках!

на стр. 19▶

---

[1] Люблю — значит существую *(латин.)*. Перефразировка известного афоризма Декарта. — *Примеч. перев.*

[1] Известная американская писательница. — *Примеч. перев.*

со стр. 16▼

Он принимает на себя удары, адресованные боссу № 1. Это профессиональный «смертник». Для него не столь уж важно, где сидеть — в бюро ли по найму, в заготконторе или в представительстве «Японимпорт», — его функции везде одинаковы: дать вам выместить на себе накопившуюся злость. Он приговорен к этой роли.

И вот все вокруг понимают, что он ломает перед ними комедию, но... нельзя же так просто повернуться и уйти! Как-никак тридцать пять человек специально готовились к этому разговору. Что ж... раз уж пришли... не сидеть же в рот воды набравши... Один из чиканос встает и задает вопрос в лоб — так, мол, и так, на сколько рабочих мест мы сможем рассчитывать? Бомбежка началась.

«Как вам сказать, — тянет пэвэошник, сокрушенно покачивая головой, — я едва ли смогу ответить вам так, как мне хотелось бы, так как вы, я знаю, хотели бы, чтобы я ответил, поскольку именно в эти минуты, как я уже говорил, в Вашингтоне решается данный вопрос. Однако хочу заверить вас в том, что нам не придется, по-видимому, пересматривать нашу прежнюю программу занятости, так что если соответствующие заинтересованные организации и учреждения в Вашингтоне не срежут нам бюджет...»

Кто-то из «цветных» не выдерживает. «Слушай, что ты тут нам баки заливаешь? Сам ведь сказал, что ни хрена пока сделать не можете!»

Пэвэошник затыкается, словно схлопотал удар в живот. Но тут же растягивает губы в лизоблюдной улыбочке.

«Мне трудно, — лепечет пэвэошник, — обещать вам места, которых нет пока...» Он поднимает глаза и, кажется, впервые видит стоящих перед ним людей, тридцать пять человек из гетто. Черных и чиканос ему, надо думать, доводилось видеть и раньше. Но вот филиппинцев... Их восемь человек, и вид у них угрожающий. Потом он переводит взгляд на самоанцев, и сердце его окончательно обрывается. Десять самоанцев заполоняют собой всю комнату. На них расписанные национальным узором рубахи, гигантского размера сандалеты, в руках — раскрашенные стеки, с такими ходят аборигены на островах Океании. Когда самоанцы сжимают в кулаке эти короткие палки, видно, как вздуваются на руках костяшки величиной с орех. Пэвэошник глядит зачарованными глазами на стеки, и его подобострастная улыбка становится еще жалче.

«Послушай, братец, — это вступает в разговор главный в делегации. — Послушай, братец. Сколько ты здесь огребаешь?»

«Я? Сколько я зарабатываю?» — переспрашивает пэвэошник.

«Ага. Сколько?»

Чиновник переводит глаза с одного на другого, его взгляд словно говорит: «Помилуйте, что за допрос? Мы же с вами интеллигентные люди...» Но его взгляд натыкается на холодный блеск. И он сникает.

«Я, э-э, получаю 1100 долларов в месяц».

«Не много ли?»

«Ну почему же...» Жалкая улыбка вымаливает снисхождение. В остекленевших глазах застыл ужас.

«Я говорю, не много ли? — У спрашивающего сильный гарлемский акцент. — Мои старики вдвоем зарабатывают 650. А вкалывают они не то, что ты».

Пэвэошник понимает, что допустил промах. Но уже поздно.

«Слушай, братец. А почему бы тебе не оплатить своим жалованьем нашу сезонную работу? Ты ж так и так ни хрена не делаешь».

«Так ведь я... да как же это?..» Пэвэошник обливается потом, цепляясь за спасительную спинку стула. Он пытается изобразить на лице дежурную улыбку. Вместо этого у него отвисает нижняя челюсть.

«Я бы рад отдать вам свое жалованье, — блеет пэвэошник, — ей-богу, рад бы. Но ведь это не выход, джентльмены. Это ведь капля в море... Капля в море!» Случайно вырвавшаяся фраза — «капля в море» — кажется ему спасительной соломинкой, она неожиданно придает ему силы, и он спешит за нее ухватиться. «Ну посудите сами, что значит какое-то скромное жалованье для такого города! Для всех нас! Это же капля в море!..»

Самоанцы не находят, что ответить, и он торопится воспользоваться их замешательством.

«Джентльмены, — говорит он скороговоркой, — скажите сами, чего вы хотите, и я все сделаю. Вам нужна работа? Мы будем счастливы дать вам ее. Иначе зачем мы здесь? Вы только скажите, как это сделать, и мы приложим... лично я приложу любые усилия, чтобы...»

Один из цветных обрывает его: «Слушай, если ты не знаешь, где взять для нас работу, то на кой... тебя здесь посадили?»

«Если сам ни черта не смыслишь, передай тогда боссу наши требования!»

Крики одобрения: «Верно!», «Пусть передаст боссу!»

«Джентльмены, я же говорил вам, что он в Вашингтоне...»

«Отбей телеграмму!»

«Ну хорошо...»

«Чего там телеграмму! Звони давай!»

«Звони!», «Пусть звонит!»

«Успокойтесь, прошу вас. Звонить сейчас бессмысленно. В Вашингтоне уже шесть вечера. Все учреждения закрылись».

«Тогда звони с утра, — не унимается негр. — Мы вернемся сюда завтра утром и будем стоять над твоей душой, пока ты не позвонишь».

«Хорошо, джентльмены, хорошо».

Пэвэошник поднимается со стула. Он пытается собрать остатки мужества. Ему очень хочется сказать им: «Пожалуйста, не воображайте, что вы запугали меня, что у меня от ваших угроз сердце в пятки ушло. Просто в течение пятнадцати минут мы обсуждали поделовому создавшееся положение». Вместо этого он говорит: «Хорошо-хорошо. Я позвоню, если вы настаиваете. Если таково ваше желание...»

«Если мы настаиваем! Если таково наше желание! О чем ты, приятель? Да мы из тебя душу вытрясем, если ты этого не сделаешь!»

Они идут сейчас по улицам и думают: «Здорово мы его... как мы, однако, отделали этого белого слизняка... не иначе как поджилки у него сейчас трясутся... видели, какое у него было лицо?.. а как он трепыхался!.. и губы облизывал... да уж, пуганули что надо...»

Надо ли говорить, что на следующее утро никто не придет в бюро по найму, не придет и не проверит, позвонил ли мозгляк своему шефу. Так уж всегда получается.

А кто-нибудь, посмотрев на это со стороны, может подумать: «Ну и что? Что, собственно, произошло? Еще одного пэвэошника загнали в угол». М-да-аа, а у власти, выходит, не дураки. Подумаешь, пожертвовали одним пэвэошником, так у них таких сотни, тысячи... Одного измочалят — они другого вышлют... Подкинули нам жертву, а мы расправились с ней и радырадешеньки... Так кто же вышел победителем? Мы сделали свое дело, он — свое... а шарманка-то как играла, так и будет играть... словно никакой стычки сейчас и в помине не было...

со стр. 17 ▼

...А прислуживают, гляди-ка, белые. Оч-чень предусмотрительно. Ай да Леонард, ай да Фелиция! Ему понятно, если ты принимаешь у себя черных, нельзя же выпускать к ним с подносами негритяночек каких-нибудь. Клода и Мод. Хорошенькая вышла бы история! «Не желаете ли выпить, сэр?» Каково, а? Так что радикалы высшего света срочно предприняли поиски белых слуг. И вот, пожалуйста. У Бёрденов прислуга белая. У Люметов — три белые служанки. Ну а про Леонарда и говорить не приходится. Папаша Фелиции работал одно время в Сантьяго, и они оттуда вывезли повара-чилийца и еще трех латинов. А шофер у Леонарда англичанин. Ну, ясное дело, белый. Все это по нынешним временам имеет огромное значение. Бывает так, что к ним обращаются друзья и просят одолжить им слугу-другого на вечерок. Надо прямо сказать, Леонард и Фелиция никогда не отказывали. Их даже прозвали «палочкой-выручалочкой». В шутку, конечно.

Возможно, вы хотите спросить, почему бы вообще не отказаться от прислуги, раз возникают такие трудности у людей, стоящих выше расовых предрассудков? Ну, знаете... Да вы совсем, я погляжу, не понимаете, чем дышат Ист-Сайд[1] и его радикальные высшие сферы! Слуги — это психологическая необходимость. Ну, посудите сами. Утром у вас примерка в ателье Куновского, потом телефонные звонки, потом завтрак в «Бегущем пехотинце» — кстати, вы знаете, там кормят совершенно бесподобно, лучше, чем в «Ля Гренуй», или «Лютеции», или даже «Каравелле»! — потом... ну да что толковать, как можно отказаться от прислуги! Прислуга — это... удобство... это... прислуга. Вам понятно, надеюсь?

Боже, а в какие только тонкости не приходится вникать на этих великосветских раутах! Такое чувство, будто ты все время идешь по острию бритвы. А то нет? Взять хотя бы такую дилемму — **они** и **мы**...

С собственными слугами, если они белые, все просто. Два-три эвфемистических намека на то, чтó, мол, за вечеринка намечается, — и они будут держаться безупречно. Эвфемизмы, между прочим, тоже проблема. Как назвать негров, давая указания своей белой прислуге: черными? неграми? или, может быть, «цветными»? Когда беседуешь с... как бы это сказать?.. ну, в общем, с человеком тонкой организации, ты, ясное дело, скажешь «черный». Этим словом ты даешь понять, что относишься с уважением к черной расе. Но, когда доходит до слуг, как-то задумываешься... Подобные слова как барьер отделяют образованных от необразованных, воспаривших от невоспаривших, блестящих мира сего от серой массы. Так что кто их знает, еще уловят в твоей интонации некоторую снисходительность и будут потом фыркать между собой: «Перед неграми, вишь, стелется, либерал лимузиновый! Может, и нам, сахиб, беднякам с Ист-Сайда, тоже что-нибудь перепадет, благодетель вы наш?» Попробуйте после этого сказать, что у радикалов высшего света легкая жизнь!

Или другая проблема. Как одеться на вечеринку, где будут леваки или, допустим, сезонники? Скажем, что надеть женщине? Надо ли объяснять, что легкомысленного покроя платье от Диора, влетевшее вам в копеечку, не подойдет для такого случая. С другой стороны, нельзя же заявляться в грубом свитере и потертых джинсах, показывая всем своим видом, что ты, дескать, «из простых» и «свой в доску». Джин Хёвель — вон она, стоит в дверях, — как раз делает такую ошибку. Ее отец, Жюль Сайн, один из богатейших людей в стране, а она обернула вокруг бедер замшевую юбчонку, какую носят по выходным лондонские продавщицы. То ли дело Фелиция! На ней черное, без всяких там претензий, платье и скромное золотое ожерелье. Безукоризненный туалет. И, заметьте, ни намека на классовое превосходство.

А что же Леонард? Он появляется в брюках из шотландки, черной водолазке и темно-синем блэйзере На шее массивная цепь с кулоном. Его благородная седина прекрасно смотрится на фоне лимонно-желтых стен гостиной. Его глаза и улыбка излучают радость преуспеяния, они словно бы подтверждают слова Лорда Джерси: «Что б ни говорили нам с амвона, но деньги и успех врачуют душу». Леонарду слегка за пятьдесят, но он по-прежнему вундеркинд в мире американской музыки. Своими мюзиклами и концертами для детей он, прославленный дирижер, композитор и пианист, сделал больше, чем кто-либо, для того, чтобы разрушить стену между элитарной и народной музыкой. Как неподдельна улыбка этого человека, гостеприимно распахнувшего двери своего дома перед посланцами угнетенных! Как нелепо видение, что явилось ему за несколько часов до блестящего приема, видение, в котором негр встал из-за рояля, чтобы сказать ему несправедливые слова!..

Прозвенел гонг, и гости поспешили в столовую. «Леонард! — окликает мужа Фелиция. — Зови анархистов к столу». — «Анархистов прошу к столу», — послушно вторит ей Леонард. Огромная зала. Вдоль стен банкетки, пуфики, софы, кресла-качалки... обивка мебели в стиле ретро... как при дедушке в Вене... Лепнина, канделябры и зеркала, зеркала... В дальнем конце залы два рояля, придвинутых один к другому. На опущенных крышках частокол фамильных фотографий в посеребренных паспарту, создающих необходимый уют. Словом, скромная келейка на миллион долларов. И, обратите внимание, все это не нарочито, отнюдь, домашняя атмосфера создалась как бы сама собой, помимо их, Леонарда и Фелиции, усилий... Не преминуть сказать это черным!

Столовая быстро заполняется народом. Гости рассаживаются за столом. Негр, оказавшийся рядом с Джули Белафонте, обращается к ней с ласковым «сестрица». «Я счастлива, я счастлива видеть вас всех сегодня у меня дома», — объявляет во всеуслышание Фелиция. Она представляет присутствующим адвоката, включившегося в кампанию по сбору средств для группы из двадцати одного представителя террористов, арестованной по обвинению в подготовке взрывов пяти нью-йоркских магазинов, железнодорожного узла в Нью-Хэвене, полицейского участка и ботанического сада в Бронксе.

«Мы весьма признательны вам за ваше гостеприимство», — начинает адвокат. И, широко осклабясь, пускается пересказывать анекдоты о президенте. Гости встречают его шутки вежливым молчанием: не для того они собрались здесь, чтобы смеяться над хохмами какого-то фигляра! Наконец, словно спохватившись, адвокат напоминает сидящим за столом о бедственном положении двадцати одного террориста. О том, что с февраля они томятся за решеткой по нелепейшему обвинению в тщетном ожидании суда. Что баснословный залог — сто тысяч долларов за человека — не оставляет им, по существу, надежды выйти на свободу. Что им не дают возможности сноситься с адвокатами. Что обхождение с ними носит бесчеловечный характер. Ну и так далее. «Один из немногих лидеров организации, находящийся пока на свободе, — заключает свою речь адвокат, — присутствует в зале. Это...» — и он называет имя.

«Точно», — отзывается негромкий голос, и высокий чернокожий вырастает из-за рояля... ЭТО ОН! ТОТ САМЫЙ НЕГР ЗА РОЯЛЕМ...

Сокращенный перевод с английского С. ТАСКА

---

[1] Ист-Сайд — аристократический район Нью-Йорка — *Примеч. перев.*

РЫЦАРИ ИЗ КУ-КЛУКС-КЛАНА

Том УИЛЛЕР,
американский журналист

Вильяму Минтону тридцать два года, он работает техником в одной химической фирме (какой, он предпочел умолчать), но главное — он Великий дракон ку-клукс-клана. В двухчасовом интервью, которое я взял у него в его квартире в городке Глен Берни, штат Мэриленд, он поведал мне о своей великой ненависти к неграм, «цветным», евреям, профсоюзам, коммунистам и Советскому Союзу.

Этот двухметровый детина — страшный хвастун. Он хвастался своими военными познаниями, запасами оружия, высокопоставленными друзьями-единомышленниками. Воевать он собирается в ближайшем будущем и не где-нибудь, а прямо здесь — сначала в штате Мэриленд, а потом уже и по всей стране.

— Насилие — единственное средство, — говорит он. — Мы хотим сегрегации и будем прибегать к насилию, к любым средствам, чтобы добиться своего. Интеграция превратит нас в нацию ублюдков. — И добавляет с горечью: — Сейчас полно белых, которым нравится цацкаться с неграми. Поэтому единственное спасение — расовая война. Черных надо уничтожить.

Каждое свое слово Минтон сопровождал глотком пива, и язык его развязывался все больше и больше.

— Наши люди есть и в полиции, и в армии, и в конгрессе. Мы повсюду, — он довольно хохотнул, но отказался назвать число своих «подданных». В пяти соперничающих между собой группировках клана, заявил он, более 50 тысяч активных членов. Особенное его неудовольствие вызывает фракция «Рыцари клана», директор которой, Дэвид Дьюк, пытается придать клану более респектабельный вид.

— Это для слабаков, — Минтон грохнул кулачищем по столу, — а слабаки струсят и разбегутся, когда мы начнем расовую войну.

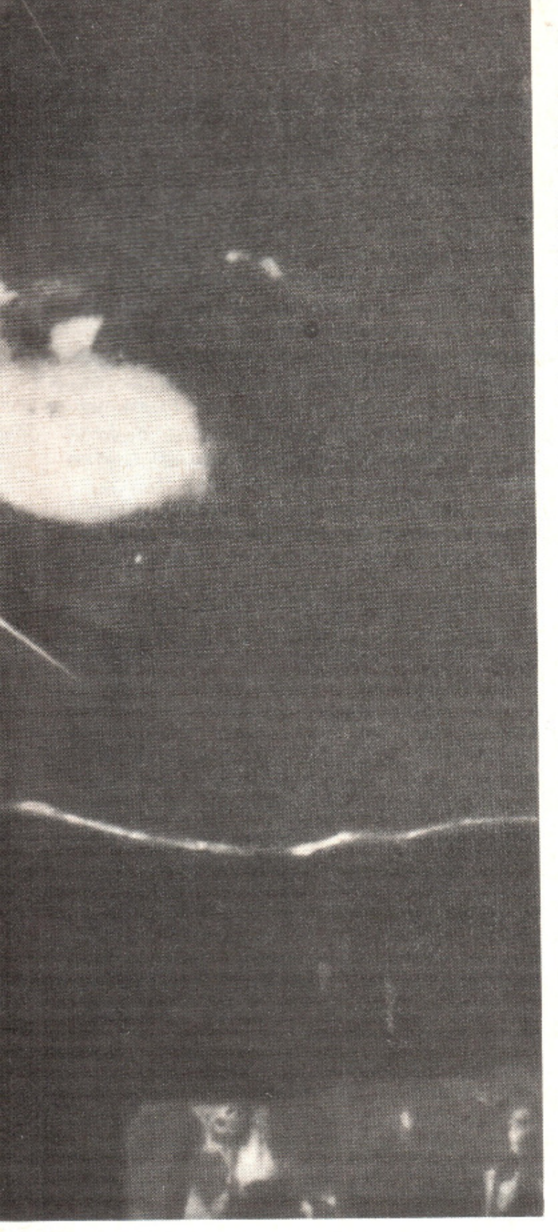
Минтон открыто носит на поясе пряжу со знаками ку-клукс-клана и уверен, что ему ничего не грозит: его пять раз арестовывали за угрозы расправиться с черными, но всякий раз отпускали.

— В штате Мэриленд меня за дела клана никогда не осудят. Здесь все свои, — сказал он.

Он показал мне наклейки, которые они прилепляют к ветровым стеклам автомобилей. «За тобой наблюдают рыцари ку-клукс-клана», — говорилось в первой. Другая угрожала: «Наша опека — предупреждение. Наш визит — твоя казнь». Самый последний подвиг «подданных» Минтона был совершен в Балтиморе. Негритянская семья поселилась в «белом» районе Хэмдене.

— Мы приехали туда и сожгли у них под окнами пару крестов. На следующий день они уехали.

Один из «подданных» Минтона, Уильям Эйчесон, студент Мэрилендского университета, вместе с другими рыцарями таким образом выселил из «белых» районов шесть негритянских семей, после этого он в письме грозил убить Коретту Кинг, если она выполнит свое намерение и выступит перед студентами Мэрилендского университета. Раз-

разился ужасный скандал. Как же! Клан проник в университет — обитель разума и поисков истины. Только после этого Эйчесона арестовали, при обыске у него нашли целый арсенал оружия. Однако едва уехала Коретта Кинг, Эйчесон был отпущен, дело против него так и не возбудили.

Другой герой клана, Джеральд Д. Аллен, был осужден за осквернение стен в синагоге Б'Най Джекоб в Локхерне. У него при обыске нашли бутылки с зажигательной смесью, которыми он вместе с друзьями собирался забросать эту синагогу во время службы.

— Скоро мы начнем действовать против профсоюзов, — сообщает мне Минтон доверительно. — Это ведь партия организованной преступности. С ними надо покончить.

Внешнеполитические взгляды Великого дракона не менее решительны.

— Война между США и СССР дело времени. Она неизбежна. Коммунистов надо уничтожать.

— Мы не можем допустить геноцид белой расы в Родезии. Мы должны сделать все, чтобы помочь белым в Родезии.

— Южная Африка? Там все просто. Половину черных надо уничтожить, а другая половина пусть работает.

Минтон на короткой ноге с Вернером Шродтом, местным фюрером национал-социалистической партии. Штаб нацистов до недавних пор был в Балтиморе на Истерн-авеню, они вывесили там свой флаг со свастикой, прибили свастику на дверь, приклеили на окна. Жители всего квартала возмутились и пригрозили, что всех, у кого заметят свастику, будут бить. Нацисты быстренько съехали.

— Я говорил Шродту, — наставительно замечает Минтон, — гораздо будет лучше без свастики. Со свастикой, без свастики — какое это имеет значение. Когда начнется расовая война, мы все будем вместе. Кто мы? Ку-клукс-клан, нацисты, минитмены, общество Джона Берча, да и еще найдутся.

Соперник Минтона, Дэвид Дьюк, ратует за изменение фасада клана. Встав во главе группы «Рыцари ККК», он отменил титул имперского мага и назвал себя национальным директором. Он вербует своих «подданных» среди студентов и выпускников колледжей. За год он выступает примерно в 40 высших учебных заведениях, призывая отстаивать «ценности белого человека от черных, евреев и международного коммунизма», и делает при этом неплохой бизнес: за выступление ему платят от 1400 долларов и выше.

Слабаком его Минтон называет, конечно, из зависти. Дэвид Дьюк тоже сторонник решительных действий. Еще будучи студентом, он собственноручно нес на демонстрации плакат: «Чикагскую семерку» — в газовую камеру!»[1]. В 1971 году, не доучившись в университете, он отправился во Вьентьян учить лаосских офицеров английскому языку. Занятия входили составной частью в «специальную правительственную программу», которую субсидировал госдепартамент. Как считает П. Симз, автор недавно вышедшей книги «Клан», Д. Дьюк уже тогда был агентом ЦРУ, потому что подобные программы — обычное прикрытие для операций этого ведомства.

Д. Дьюк, так же как и Минтон, считает, что все средства хороши в «холодной» расовой войне. Стало известно, что он выпустил две брошюры под псевдонимом Муххамед Икс: «Как убивать белых» и «Наука нападать». В этих брошюрах якобы от имени негра Дьюк дает советы, как истребить белых в США. Такие трюки любило использовать ФБР в пору, когда там был Гувер.

Сейчас Дьюк как коммивояжер расизма появляется всюду, где возникают расовые конфликты. То он в Бостоне и Луисвилле, когда там белые требуют возить белых и черных детей в отдельных автобусах, то он на мексиканской границе создает специальные патрули ККК, чтобы терроризировать «цветных» рабочих, то он едет за границу на встречу правых лидеров из разных стран.

Конечно, Минтон завидует Дьюку. Национальному директору «Рыцарей ККК» удалось найти себе более щедрых хозяев. Сам Дьюк об этом говорит так: «У нас много друзей в Вашингтоне, и в государственном аппарате, и в армии».

Есть и прямые свидетельства связи клана с разведывательными органами США. Во время судебного процесса над активным членом клана Роем Фэнкхаузом (его обвиняли в поджоге сегрегированных школьных автобусов в Понтиаке, штат Мичиган) выяснилась связь клана с высокими правительственными кругами. Фэнкхауз получил задание проникнуть в одну из организаций палестинского освободительного движения в Канаде и спровоцировать ее на убийство сионистского лидера. После процесса газета «Филадельфия инквайерер» писала: «Это задание было одобрено Национальным советом безопасности и Белым домом. Посредником был Джон Колфилд, один из высоких чиновников Белого дома, замешанный впоследствии в «уотергейтском скандале». Как считает автор книги «Клан» П. Симз, ККК замешан более чем в 70 нераскрытых преступлениях. Министерство юстиции США всячески тормозит следствие по этим нераскрытым делам, опасаясь, как это было в деле Фэнкхауза, что на свет вылезут нежелательные связи ФБР и ЦРУ с самыми грязными преступлениями клана.

На проходившей недавно конференции в защиту прав профсоюзов отмечалась возросшая активность правых. Уильям Люси, казначей профсоюза окружных и муниципальных государственных служащих, выступая на конференции, подчеркивал, что между правыми группировками различия чисто косметические. Как он сказал: «Каждому овощу свое удобрение». «Их соперничество — от карьеризма, каждому хочется быть хоть маленьким, но фюрером, — говорил Уильям Люси. — А цель у них одна: уничтожить профсоюзное движение, свести на нет завоевания черных и белых рабочих, установить в стране власть фашистского толка. И хозяева у них тоже одни — большой бизнес, который подкармливает их и держит про запас. Клан — это школа штрейкбрехеров».

Перевел с английского А. ХВОСТОВ

---

[1] «Чикагская семерка» — группа руководителей «новых левых», которых судили в Чикаго. — *Примеч. ред.*

В 1954 году Верховный суд США впервые поддержал принцип недопустимости расовой сегрегации в школах страны. Если принять этот год за точку отсчета, то за прошедшие 25 лет негритянское население в тяжелой борьбе добилось отмены многих унизительных законов, добилось формально-юридического равенства. Расизм вынужден был несколько отступить, но его отступление тоже можно назвать лишь формальным. Коренные проблемы черной Америки: сегрегация, дискриминация и экономическая обездоленность — так и остались нерешенными. Уровень безработицы среди негров в 2,3 раза выше, чем среди белых, — такого огромного разрыва еще не было никогда. 42 процента негритянских детей живет в бедности, среди белого населения эта цифра равняется 11 процентам. Среди студентов США только 9,3 процента составляют черные, причем 70,3 процента из них учатся в «колледжах для черных». Во многих университетах США за эти 25 лет число черных студентов почти не увеличилось (к ним относится Гарвард, Принстон, Стэнфорд и некоторые другие наиболее престижные учебные заведения). Статистика показывает, что особенно мало студентов-негров в медицинских учебных заведениях и черные составляют ничтожно малую долю среди лиц медицинских профессий. Положение 25-миллионного черного населения США в 1979 году крупнейшая негритянская организация Национальная городская лига характеризует как катастрофическое. И в этих условиях активизируется расизм: одна из линий его атак — измышление о том, что в США проявляется «расизм наоборот», то есть дискриминация белых. Хотя все факты свидетельствуют против этой выдумки, требование «покончить с «расизмом наоборот» встречает поддержку среди представителей разных слоев населения. Наглядным примером того, как под видом «расизма наоборот» идет наступление на завоеванные в 60-е годы позиции, служат «дело Бэкки» и «дело Вебера».

ДВА «ДЕЛА» О РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ

С. МОЛЧАНОВ

В сентябре прошлого, 1978 года Алан Бэкки, 38 лет, белый, инженер, бывший сотрудник НАСА, начал учиться в медицинском колледже Дэвиса Калифорнийского университета. Это событие, казалось бы, важное только для самого студента да для его близких, между тем стало известно всей Америке. Этим событием была поставлена точка в «деле Бэкки» и начат новый этап в движении за гражданские права в США, который американские газеты называют «после Бэкки».

Алан Бэкки два года подряд (в 1973 и 1974) поступал в колледж Дэвиса и не был принят. В этом колледже 100 мест, на которые претендуют до 37 тысяч поступающих. Бэкки было отказано в приеме потому, что приемная комиссия сочла его недостаточно подготовленным.

В то же время колледж Дэвиса до 1978 года принимал «вне конкурса» 16 человек — представителей национальных меньшинств (черных, американцев азиатского происхождения, пуэрториканцев,

мексиканцев). Что значит «вне конкурса»? Вице-президент колледжа доктор Элмери Лирн объясняет это так: «Мы принимали одаренных молодых людей из небелых этнических групп на эти 16 мест, поскольку они не могли бы соперничать с остальными претендентами на общих основаниях: это выходцы из бедных семей, получившие плохую подготовку в школе и имеющие пробелы в знании английского языка. Многие из них ко 2—3-му году обучения становились блестящими студентами». Всего же в колледже Дэвиса студенты — представители небелых этнических групп составляют около 9 процентов всех учащихся.

Такая практика в колледже Дэвиса и в ряде других учебных заведений была введена в середине 60-х годов и получила название программы «позитивных действий», или «компенсационного подхода». Цель этих программ была облегчить доступ негритянской молодежи к высшему образованию. Некоторые американские политические деятели считают, что слова «компенсационный подход» более точно отражают суть дела: компенсация после двухвековой расовой дискриминации. Введение таких программ было серьезной победой демократических сил США.

Но вернемся к Бэкки. От одного из членов приемной комиссии он узнал, что юноша-негр из числа принятых на эти 16 мест был подготовлен хуже, чем он, Бэкки. По совету этого члена комиссии несостоявшийся студент подал в суд на администрацию Калифорнийского университета. Он обвинил приемную комиссию в «расизме наоборот» и в нарушении конституции. Бэкки утверждал, что он был подвергнут дискриминации как белый и ему не были предоставлены «равные возможности» для поступления (14-я поправка к конституции говорит о равных возможностях для всех независимо от цвета кожи, вероисповедания и т. д.).

Осенью 1976 года верховный суд штата Калифорния вынес решение, что отказ А. Бэкки в приеме в медицинский колледж был незаконен и может рассматриваться как проявление расовой дискриминации к нему как к белому. Кроме того, верховный суд определил, что специальные программы, направленные на увеличение притока студентов — представителей национальных меньшинств, противоречат конституции. Расовый признак не должен приниматься во внимание при приеме в учебные заведения.

Администрация Калифорнийского университета обжаловала это решение в Верховный суд США, который осенью 1977 года пятью голосами против четырех постановил, что программа «позитивных действий» в колледже Дэвиса незаконна, так как ведет к дискриминации белых. В то же время Верховный суд США определил, что при приеме в высшие учебные заведения «наряду с другими факторами может учитываться и расовое происхождение».

Решение Верховного суда США вызвало недоумение среди сторонников «позитивных действий» — законны они или нет? Могут ли и дальше действовать эти программы, или по поводу каждой из них придется обращаться за разъяснением в Верховный суд США? Этот вопрос так и остается открытым.

После завершения «дела Бэкки» газета «Виллedж войс» обратилась к руководителям крупнейших университетов страны с вопросом: как они относятся к программам «позитивных действий»? И выяснилось, что там, где не действуют эти программы, за последние двадцать лет число студентов — представителей национальных меньшинств или осталось на том же крайне низком уровне, или же выросло весьма незначительно. В чем же причина? Доктор Розьер, директор информационной службы университета Эмори в городе Атланта, объясняет создавшееся положение так: «До 1962 года по закону штата Джорджия мы не имели права принять ни одного небелого студента. Теперь для нас расовый признак не имеет никакого значения. Но среди студентов черных почти нет. Дело в том, что студенты из небелых этнических групп не поступают в Эмори, потому что боятся не осилить плату за обучение. А благотворительные фонды, из средств которых мы выплачиваем стипендии, оговаривают для стипендиатов такие условия, которым поступающие — представители национальных меньшинств обычно не отвечают». То есть там, где расовый признак не принимается во внимание, нет и небелых студентов. Так на словах полное равенство, а на деле расизм.

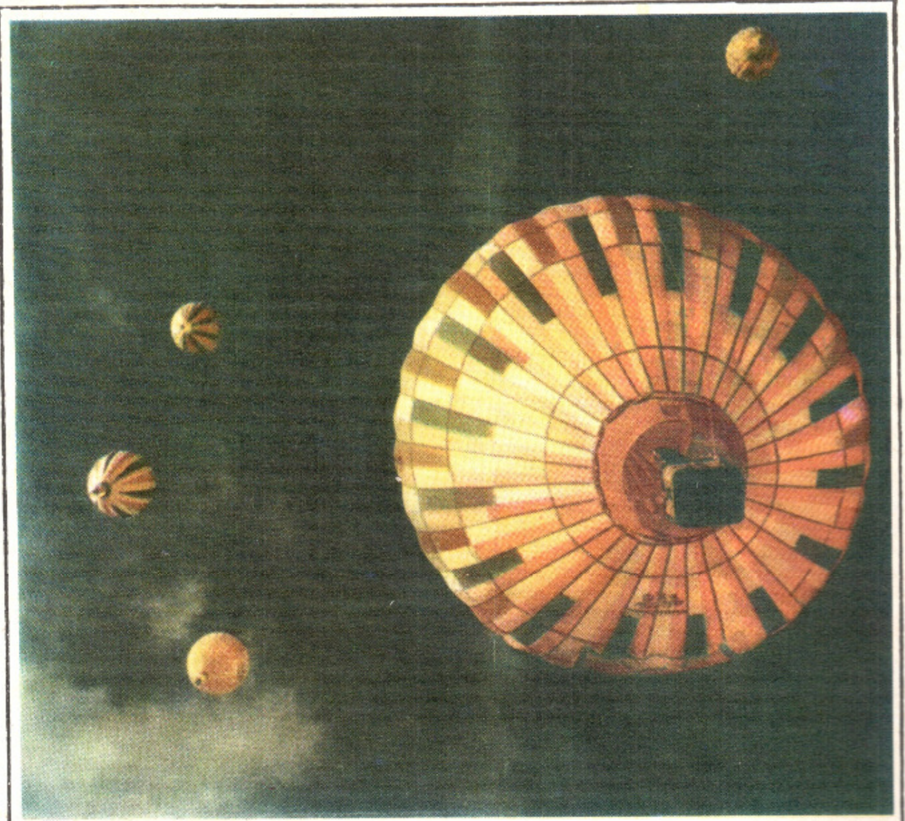
Решение суда по «делу Бэкки» дало толчок к нападкам на программы «позитивных действий» не только в области высшего образования. Подобное дело возникло в штате Луизиана, но уже на промышленном предприятии.

Алюминиевая и химическая корпорация Кайзера в городе Грамерси решила организовать курсы по подготовке квалифицированных рабочих. По договоренности с местным отделением профсоюза сталелитейщиков было решено принимать на эти курсы с учетом трудового стажа, а также по принципу «один белый — один негр». Были составлены два списка принятых на курсы. Но не успели еще начаться занятия, как рабочий Бриан Вебер предъявил иск организаторам курсов, обвинив их в незаконных действиях: в список включен рабочий-негр с меньшим стажем работы, чем у Вебера, а его, Вебера, на курсы не приняли.

В ответ на жалобу окружной и апелляционный суды постановили, что «раз в прошлом на этом предприятии не было случаев дискриминации по цвету кожи, нет нужды и устраивать подобную уравниловку». Кайзер не опротестовал решения суда и не представил доказательств «о случаях дискриминации в прошлом». Больше того, на суде он заявил, что для него расовый признак не имеет значения, он всегда принимал и принимает на работу и продвигает по службе в соответствии с квалификацией. В результате Вебер дело выиграл, а черных решили вообще на курсы не принимать.

Возможно ли, что на кайзеровских предприятиях никогда не было дискриминации по цвету кожи, как заявил об этом их владелец? Газета американских коммунистов «Дейли уорлд», рассказавшая о деле Вебера, считает, что корпорация Кайзера может служить примером систематической расовой дискриминации. 40 процентов взрослой рабочей силы в городе Грамерси черные, а на заводах Кайзера среди рабочих только 15 процентов негров, из 290 квалифицированных рабочих только 5 негров. «Случаев дискриминации в прошлом больше, чем достаточно, — пишет «Дейли уорлд». — Но зачем вспоминать о них, когда в городе свирепствует безработица, и случай с Вебером очень удобен, чтобы свалить всю вину на черных: они-де занимают все рабочие места, а белые остаются за воротами».

«Это более чем анекдотично, что после нескольких веков расовой дискриминации негров суд не хочет признать необходимость применения каких-то средств для лечения этой болезни. Почему в Америке в XX веке негр должен в одиночку демонстрировать, что он был жертвой расовой дискриминации? Расизм нашего общества столь всепроникающ, что никому, будь то богатый или бедный, не удалось оградить себя от его тлетворного влияния». Так считает член Верховного суда США судья Т. Маршалл, который голосовал против принятого по «делу Бэкки» решения. А уж кому лучше знать, чем ему.

«ОБРЕЧЕН» НА НЕЗАБВЕНИЕ

Наверное, воздушный шар относится к таким изобретениям человека, которые неподвластны времени. Как средство передвижения он, конечно, не конкурент ни поезду, ни трамваю, ни автомобилю, ни — подавно — реактивному лайнеру. Но зато, как парусник, как верховая езда, как, наконец, фехтование или стрельба из лука, он перекочевал в спорт и, похоже, становится все популярнее. Есть уже и нашумевший рекорд — перелет через Атлантику. А в американском городе Альбукерке (штат Нью-Мексико) вот уже семь лет проводятся международные соревнования по воздухоплаванию на шарах. Судите сами, какое это зрелище.

ДЕЛЬФИНОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Наши братья по разуму (в чем давно подозревают дельфинов) начали вести себя весьма неразумно. По крайней мере, у берегов Японии. Поскольку охота на дельфинов запрещена, их развелось так много, что они стали мешать японским рыбакам: дельфины попадают в сети и рвут их.

Рыбаки выступили с протестом, ученые вняли ему и придумали выход: чтобы распугивать дельфинов, была сконструирована управляемая по радио касатка в натуральную величину. Интересно, а чем ответят на эту акцию братья?

НОВОСТИ ТЕХНИКИ. Двадцатитрехлетняя Анет Дорп из Бонна сдает в аренду на летний сезон изобретенную ею, но пока не запатентованную газонокосилку. Преимущество этого агрегата перед другими моделями в том, что он значительно дешевле в эксплуатации, так как не нуждается в заправке горючим. А посему на эти газонокосилки большой спрос. Изобретательная Анет сдает в аренду овец, которых у нее более ста, и каждая из них способна за лето «скосить» траву почти на 250 гектарах.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Говорится: с волками жить — по-волчьи выть... Шведский биолог Эрик Цимен так и делал на протяжении года, что он провел в волчьей стае. Звери не только приняли ученого в свою среду, но и по достоинству оценили его, должно быть, истинно «волчьи» качества — мудрость, ловкость, силу (выручала плетка). Они относились к Цимену не просто как к «своему», но как к вожаку, с должным почтением. Естественное и длительное общение с волками позволило ученому проникнуть в психологию стаи, подробно изучить повадки этого хищника, все еще наводящего на людей страх (сильно преувеличенный, как считает Цимен). Что касается, например, пристрастия волков к «хоровому пению», то, по наблюдениям исследователя, оно, во-первых, служит средством общения с другими стаями и отбившимися товарищами, а кроме того, имеет чисто эмоциональную основу, обострят в волках чувство общности, принадлежности к стае.

ФОТОУЛИКА

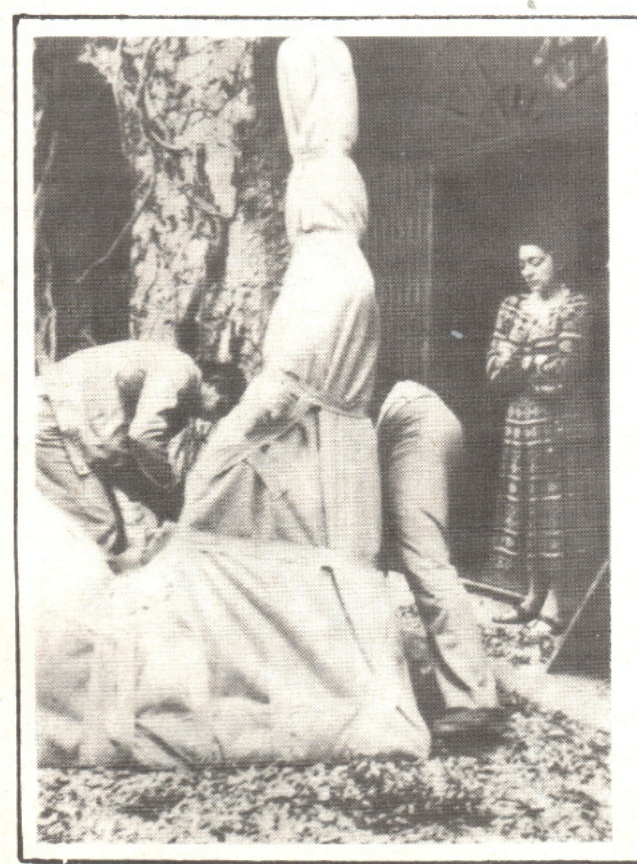
Этот снимок из журнала «Штерн» — пример репортерской удачи. «Соль» отнюдь не в драматичности действия, разворачивающегося на первом плане (полицейские расправы над демонстрантами в ФРГ давно не сенсация). Обратите внимание на человека в очках и светлом плаще. Это шеф полиции города Унна Карл Фридрих Родакс. Герр Родакс самолично наблюдает, как его подчиненные избивают активиста молодежной организации «Соколы» Ульриха Петера, который вместе с товарищами осмелился устроить демонстрацию против сборища молодых неофашистов. На следующий день герр Родакс, не подозревая, что попал в кадр, заявил журналистам по поводу разгона демонстрации «Соколов»: «Мне нечего сказать, так как я при этом не присутствовал». Что тут скажешь — не верь глазам своим?..

А ЧТО РИСУЮТ?

А рисуют вещи страшные. Этот рисунок иллюстрировал статью, опубликованную в итальянском журнале «Эпока». В ней приводились следующие цифры: 25 процентов итальянских курильщиков страдают хроническим бронхитом, от которого гибнет в три раза больше людей, чем от туберкулеза, в два раза больше, чем при дорожных катастрофах, и почти столько же, сколько от рака легких. Еще одна цифра: оказывается, в сигаретах содержится, помимо никотина, еще 2999 вредных для здоровья элементов.

Вы ждете заключительной остроты, читатель? Ее не будет. Страшно.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Незнание закона, как известно, не освобождает от ответственности. А вот знание порой освобождает, причем тех, кто менее всего этого заслуживает. Многие бизнесмены на Западе с помощью опытных юристов умело находят лазейки в налоговой системе. Случается так, что финансовый магнат платит меньше налогов, чем какой-нибудь служащий из его конторы! Нельзя сказать, чтобы подобное положение вещей радовало простых налогоплательщиков. Вот налоговые управления и используют любую возможность, дабы укрепить веру в справедливость системы.

Эта фотография обошла все газеты Западной Европы. На ней изображена Жаклин Пикассо, вдова великого художника, наследница его уникальной коллекции. Мадам Пикассо не знала, что всякое наследство облагается налогом, и не смогла вовремя уплатить необходимую сумму. В результате бесценные картины, скульптуры и рисунки описывают, аккуратно запаковывают и вывозят — в присутствии репортеров. Налоговое управление Франции заранее предупредило все газеты... Вот, налогоплательщики! Мы не взираем на лица! Ведь закон есть закон...

КАНАДА: ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ФОЛЬКЛОР

Сегодня в рубрике «Канада: поэзия, проза, фольклор» мы представляем писателя Джона Меткафа, поэтов Жан-Ги Пилона, Эдвина Дж. Пратта и Олдена Ноулана, народных художников Луси, Пудло, Какулу, Джамаси, Улайю, Питсеолак.

Так уж сложилось, что в представлении многих искусство Канады почти сливается с искусством Соединенных Штатов. Между тем в современной канадской литературе последние два десятилетия отмечены бурным процессом взросления, безжалостного самоанализа, поисков собственного лица. Центральное место в творчестве канадских художников поэтому занимают мысли о судьбах родины, тема ее пробуждения. Этот поиск как в капле воды отражается в судьбах героев, вселяя в их души мучительную необходимость найти свое «я», свое место в жизни, осознать собственную необходимость. Мотив причастности и тревоги за судьбу родины особенно четко звучит в стихотворениях «От зимы к зиме» и «Ньюфаундленд», стихотворение «Свежевспаханный холм» более личное, оно как бы выражает исконную, нерушимую связь человека с землей, на которой он вырос.

Рассказ «Бухта» посвящен человеку молодому и ищущему. Его еще по-детски наивная тяга к прекрасному, к гармонии разбивается о прозу бесконечного уныния будней.

Картина современного канадского искусства была бы неполной без знакомства с творчеством коренного населения страны — эскимосов. Представленные здесь работы народных художников — гравюры на камне — завоевывают сейчас все большую популярность. И это не случайно, ибо в них присутствует гармония, рожденная близостью к природе, полученная по наследству от далеких предков. Эскимосский художник Пудло говорит: «Наше искусство помогает нам понимать друг друга. Оно поможет нам не забывать, как жили наши предки. Я не знаю, нравятся ли мои работы белым людям, но я буду продолжать рисовать, пока я живу».

НЬЮФАУНДЛЕНД

Эдвин Джон ПРАТТ

Страна могучих приливов,
Отступающих далеко в море.
Но не размеренной,
Бессильной поступью,
Подвластной притяжению луны,
Покорной неизменному закону
Движения у необжитых берегов,
Чередований
Вторжения и бегства;
А бьющих жадными ударами жизни
В неподатливые, упрямые двери,
Под стать потокам,
Что грохочут в сердце,
Пульсируют в горячих жилах,
Перенимая громкий голос моря,
Учась гармонии безбрежных вод
И ярости водоворотов,
Прозрачности подводного теченья
У низких берегов;
Учась нестройным ритмам
Древних струн
В глубоком, влажном сумраке
Фиордов —
Дорогам первозданного огня.

На берегу — багровые водоросли,
Багровые, как кровь в жилах.
И не властны прибой и солнце
Обесцветить этот багрец.
Они громоздятся на скалах,
Свисая в глубокие расщелины,
Пустив корни в трещины
Между камнями,
Опутав полусгнившую фок-мачту
И старый сломанный руль.
Багровые, как кровь в жилах,
И соленые, как слеза.

Страна океанских ветров,
Вырывающихся на равнины,
Но не в безумном,
Безудержном беге,
Терзающем безлюдную землю,
А с неподдельным дыханием жизни,
Созвучным надеждам весны
И терпким запахам пашни.

Ветра трубят в серебристые трубы.
Ветра дышат грудью людей,
Единые с приливами моря,
Единые с приливами сердца,
Нарастающие в крещендо рассвета,
Затухающие в диминуэндо заката.

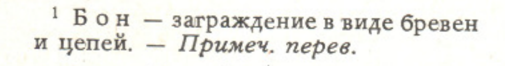

Слева: Джамаси — «Запруда для рыбы в Шартауэтоке»; вверху: Какулу — «Лица»; справа: Луси — «Птицы, которых я знаю»; внизу: Пудло — «Весна путешествует», Питсеолак — «Охота», Улайю — «Весна».

Их щедрые руки
Никогда не пустеют:
Они несут хлеб жизни в деснице
И мрачную гибель в шуйце.

На плавучем боне [1],
На замшелом руле и водорослях —
Наросты морских раковин,
Золотистых и бронзовых сверху,
Фаянсово-синих внутри.
Одни, расколотые галькой,
Лежат желтоватой россыпью;
Другие — в паутине трещин —
Рисуют узоры на морском песке:
Вздутые вены агатового сердца;
А третьи, нетронутые,
Ждут своего срока
Вобрать в себя гул урагана.

Страна, где приливы и ветры
Разбиваются об отвесные скалы,
Но не в слепом поединке
Валунов и жестокого моря,
А в продуманной, четкой атаке,
Позволяющей молниеносно
Напрячь мышцы волн
И обрушиться грозной лавиной.

[1] Бон — заграждение в виде бревен и цепей. — *Примеч. перев.*

Страна бесчисленных гаваней,
Надежных и зорких
Стражей
Покоя и домашнего очага.
Приливы, ветры и скалы,
Водоросли и морские раковины.
Сломан руль,
И закончена повесть
О человеческом сердце и жилах,
О вечных скитаньях огня,
О мечтах, что сильнее ночи,
О дверях, распахнутых в бурю.

СВЕЖЕВСПАХАННЫЙ ХОЛМ

Олден НОУЛАН

Свежевспаханный холм
Круто спускается к небу,
И поэтому парень,
Разбрасывающий семена, бежит
Все быстрей и быстрей.

Вниз по склону как камень
Он несется,
И полы его пальто
Развеваются сзади.

Вот он упал и, цепляясь
За землю,
Не выпускает из рук чернозема.
Крепко зажав его в кулаке, он летит
В яркую пропасть солнца.

Перевел с английского
Р. ДУБРОВКИН

ОТ ЗИМЫ К ЗИМЕ

Жан-Ги ПИЛОН

Снега —
Это как кандалы на ногах,
Как тюремная ночь.

Голову в плечи втянув,
Мы ждем безучастно и молча,
Что придет избавленье
Само собой.

Снега или зеркало —
Льды оковали душу моей страны.

Перевела с французского
И. КУЗНЕЦОВА

БУХТА

Рассказ

Джон МЕТКАФ,
канадский писатель

Иногда мне кажется, что моя усталость непохожа на усталость других людей. Это что-то совершенно особое. Однажды я наткнулся на выражение «бездонная усталость» — я абсолютно уверен, что это про меня. Возьмите, к примеру, как я чувствую себя по утрам. Я не говорю о том, что в голове гудит, во рту пересохло, веки воспалены и к горлу подкатывает тошнота, кроме всего этого, у меня непроходящая усталость во всем теле. Как будто хрящи между костями растаяли и ручейки усталости стеклись в образовавшиеся пустоты и залегли в них маленькими болотцами. И каждое утро эти болотца замерзают, сковывая болью мою спину и ноги, и не дают выбраться из постели.

Пожалуйста, не думайте, что эту боль я просто выдумал, уверяю вас, это не так, хотя и сам знаю, что все от нервов. Но знать причину болезни не значит вылечиться. Дело в том, чтобы причину устранить. В данном случае это можно сделать, только списав меня на пенсию, что, естественно, довольно сложно, когда человеку всего двадцать лет. Конечно, я мог бы представить это дело на рассмотрение в министерство, с точки зрения логики такой ход был бы неуязвим — я устал, потому что мне скучно, и мне скучно, потому что я ненавижу свою работу, но, к несчастью, министерствам незнакомо сострадание.

Скука моя — явление периодическое. Вроде как приливы и отливы. Я подкинул эту, на мой взгляд, довольно оригинальную идею доктору Коттлу, я был у него на днях, но он не из тех, кто склонен философствовать. О, он мягкий и дружелюбный человек, но найти с ним общий язык очень трудно.

Его главный недостаток в том, что он зануда. Каждый раз, как я к нему прихожу, он заводит одно и то же: *«Почему ты плакал? Почему ты кричал? Что означали твои слова?»* А я каждый раз говорю, что ровным счетом ничего не помню, потому что в тот день я был слишком взволнован. Тогда он говорит: «Перестань скрытничать. Ты должен рассказать мне все». Конечно же, он абсолютно не прав, но я стою на своем не поэтому, а потому, что... в общем, по многим причинам.

Мне кажется, я порчу ему настроение. Болтаю о матери, об отце, о брате и сестренке, инфантильности и взрослении, работе и отдыхе и всякой такой чепухе. Я без конца подкидываю ему свои гениальные идеи и при этом курю его сигареты. Так мы и сидим в его кабинете. И всегда он говорит — у него, знаете, такой ленивый шоколадный голос: «Ты можешь довериться мне, Дэвид. Ты же знаешь, не правда ли?» И еще всегда в том или ином месте разговора добавляет: «Я ведь не какой-нибудь судебный исполнитель, ты же знаешь». И когда он произносит эту фразу, я всегда представляю себе за дверью кабине-

Рис. В. ЛЕОНТЬЕВА

та надежный шкаф с картотекой и делами тех, кто у него лечится, и тогда я говорю своим напряженным голосом: «Я знаю, доктор». Ох, как же его раздражает слово «доктор», ему даже это скрыть не удается.

А перед тем как мне уйти, он всегда говорит: «Ну как, ты не становишься счастливее в себе самом?» И я, как обычно, отвечаю: «Я всегда счастлив в себе самом». Тогда он улыбается своей лукавой улыбкой, представляю себе, скольких женщин она ввела в транс, и спрашивает: «Больше нет желания сотворить какую-нибудь глупость?» Разумеется, чтобы высказать свою мысль прямо, он слишком деликатен. Он бы сам немедленно смутился, если бы произнес вслух слово «самоубийство».

Именно это я и имел в виду, когда говорил вам, что с ним трудно найти общий язык. Когда я пришел в первый раз, я пытался ему втолковать, что кончать с собой у меня и в мыслях не было, но переубедить его было уже невозможно. Представляю себе, в каких красках полиция и те два рыбака ему все расписали, — так что спорить явно бесполезно.

Наверное, рыбаки и тот, другой человек, я так никогда и не узнал, местный он был или тоже приезжий, как я, — наверное, они возлагали большие надежды на какое-то вознаграждение или хотя бы благодарность, раз полезли за мной в воду во всей одежде и выволокли на берег; и то, что я не мог выдавить из себя ни слова, начисто отравило им момент триумфа. Зря он так привязался к мысли, что я скрываю от него правду. Вся эта история, по сути своей, слишком проста для того, чтобы он мог ее до конца понять. Прошлый раз он даже не счел нужным притворяться тактичным. «Когда тебя вытащили на берег, — объявил он, предварительно заглянув в досье, — ты истерически кричал».

Пауза. Смотрит на меня. Ждет с надеждой. «Рыбаки сообщили, что, когда подошли к тебе в воде, ты кричал: «Не уходите! Не уходите, ну, пожалуйста, не уходите!»

Тишина становится все более напряженной. И тогда я слегка покачал головой (я не хотел бы переборщить с этим жестом, потому что он следит за мной, как ястреб за добычей), я скорчил свою коронную полусмущенную, полуозлобленную ухмылку и сказал: «Правда, я не помню, честное слово! Я сам озадачен не меньше вас». Тогда он сказал: «Чувствую, Дэвид, пока ты не признаешься себе самому, что ты кричал, не объяснишь смысл своих слов, ты не сможешь избавиться от душевных терзаний».

Так мы и сидели в его черных креслах в полном молчании, и я всем своим видом пытался показать, как я страшно мучаюсь и пытаюсь вспомнить. Время от времени я принимался громко сопеть. Я хмурился и покусывал нижнюю губу. Удобно растянувшись в кресле и пристально глядя на меня, он явно нехотя предложил: «Может быть, тебе хочется поговорить о чем-нибудь еще?..»

И я опять рассказал ему о своей скуке. Я рассказал ему о девяносто третьем автобусе. О том, как каждое утро я сажусь в него на конечной на Кэннинг роуд. Про людей в очереди на остановке. Про рыжего мальчишку-школьника. Про женщину, которая работает уборщицей в центральном госпитале и не спит по ночам, потому что у нее болят ноги. Про девушку, что работает в косметическом салоне на Пейпермилл роуд и у нее руки все огрубели и потрескались от перекиси. Про чернорабочего, у которого ботинки белые от цементной пыли. Про тщедушного сутулого человечка в поношенном плаще и с дешевым картонным портфелем-атташе, который всегда стоит неподвижно, уставившись на противоположный конец улицы. И каждое утро в автобус входит один и тот же кондуктор. Седой старик, ему приходится останавливаться на верхней ступеньке, чтобы перевести дух. У старика перчатки с обрезанными пальцами, а сами пальцы такие неловкие и негнущиеся, что с трудом отрывают билеты.

Доктор Коттл слушал явно лениво, и поэтому я сказал: «Это самое важное. Самое важное для меня, доктор». Он переспросил: «Ты считаешь, что твой кондуктор в автобусе — это важно?» — «Да, — подтвердил я. — Да, я так считаю». Я понимаю, что вел себя безжалостно, ибо рассказал ему все сначала про библиотеку.

Я рассказал ему про мисс Невинс. Про то, как у нее из-под платья всегда торчит нижняя рубашка. А само это платье длинное — всего пять или шесть сантиметров выше щиколотки. Но рубашка все равно торчит, и она всегда кремовая и с кремовыми кружевами. А из рукава тоже торчит кремовый платочек с кремовыми кружевами. И всегда она проплывает в лавандовом облаке, как какая-нибудь зимняя вещь, пролежавшая в комоде бог знает сколько лет.

Он осторожно, чтобы не смять безукоризненную складку брюк, закинул ногу на ногу: «Я уже слышал все это, Дэвид. По-моему, ты мне все это рассказываешь, просто чтобы зубы заговорить. Чтобы не рассказать о другом». — «Нет, что вы! — сказал я. — Это гораздо важнее всего остального». А потом я стал ему объяснять, что на два талона можно взять *одну* художественную книгу и *одну* нехудожественную, а, например, *две* художественные или же *две* нехудожественные сразу нельзя, что художественными называют все книги, в которых описывается неправда, то есть вымышленные события, а нехудожественные — это, например, книги по истории или какой-нибудь науке; и... нет, мадам, биография — это нехудожественное, да, конечно, это проза, но это рассказ о человеке, который жил на самом деле, вся разница в том, что это правда, а то — вымысел. Я совершенно с вами согласен, смешно делить книги по такому принципу, но все-таки одну книгу придется заменить, — у нас в библиотеке очень строгие правила.

Чем дальше я говорил, тем беспокойней он становился. В конце концов он не выдержал: «Послушай, Дэвид! Опять ты себя распускаешь. Ты прямо наслаждаешься жалостью к самому себе. Я был уверен, что с этим нам давно удалось покончить, и мы переходим уже в более *конструктивную* фазу».

Я украдкой глянул на часы — оставалось протянуть всего двадцать минут: «Понимаете, доктор, я пытаюсь почувствовать себя так, как чувствовал *тогда* — ну, вы знаете, — то есть *почему* я поехал в Уэльс. Я думал, я смогу вам помочь». Я не дал ему вставить слова и начал поспешно рассказывать про то, как проснулся в то утро с усталостью вместо хрящей, и про то, как начал перебирать в уме всевозможные отговорки, чтобы не ходить на работу. Насморк. Грипп. Мигрень. Постоянные смерти ближайших родственников, которые пошли уже по второму кругу. Подвернул ногу. Сломался автобус. Будильник не зазвонил. Может, позвонить на работу и, напихав полный рот бумажных шариков, прошамкать что-нибудь, как будто я — это мой квартирный хозяин? А гнетущая скука все накапливалась и зрела с каждой неделей.

Он опять прервал меня: «Дэвид! Дэвид, прошу тебя, остановись и подумай, *что* ты говоришь! Неужели ты не чувствуешь, как ты сам все время вгоняешь себя в тоску? Так ведь? Я думаю, тебе и самому это ясно. Не может же то, что ты излагаешь, служить для нормального человека жизненной позицией. Хоть это ты понимаешь?»

«Да, теперь я это понимаю».

«У тебя все впереди, тебе надо подумать о будущем».

Я не стал ему объяснять, до какой степени это самое будущее давит на меня, оно бросает тень на каждый уходящий день. Не стал объяснять, потому что именно этого он

слышать и не хотел. Я не сказал ему, как боюсь этого будущего, которое всего лишь повторение настоящего. Щелк-щелк-щелк-щелк... Я не сказал, что моя машинка, проставляющая даты на библиотечных формулярах, отщелкивала и дни моей жизни, и я старел с каждым ее щелчком. Что в ноябре, феврале, апреле или мае этого года, будущего года, всякого и каждого года моей жизни паркет библиотечного зала будет все так же натерт до блеска, а рубашка мисс Невинс будет выглядывать из-под подола поблекшего от времени платья, все так же будут тикать электрические часы, отсчитывая минуты бесконечного дня... И так, аккуратно проштампованная печаткой, моя жизнь будет потихоньку утекать: щелк-щелк-щелк... — сегодня, завтра, через две недели, еще через две недели после этих двух недель. И будут штрафы за опоздания... Я просто ответил: «Конечно, вы правы».

Он одобрительно улыбнулся и отодвинул краешек белоснежного манжета, чтобы взглянуть на часы. «У нас в распоряжении пятнадцать минут. Может быть, постараемся еще раз вспомнить, что было в Уэльсе?» Произнося это, он едва подавил тяжкий вздох.

«Итак, — начал он, доставая папку с документами по моему делу, — в тот самый день ты проспал и опоздал на работу. Ты часто опаздываешь, в результате чего твои отношения с мистером... э-э... (заглянул в бумажки) мистером Приппетом сложились не самым лучшим образом. Поэтому ты решил, что теперь уже все равно, будь что будет, и на работу не пошел совсем. Сначала ты зашел в кафе позавтракать, а потом отправился в парк. Правильно? Я ничего не пропустил?»

(Там, в парке, сидел один старик, который все время ежился от холода. Скорчившись на скамейке, он глядел куда-то вдаль поверх аккуратно выложенной гравием дорожки и безукоризненно ровного газона центральной клумбы. А у его ног плескалось серое море голубей: они хлопали крыльями и копошились вокруг бумажного пакета с крошками. У голубей были отвратительные красные лапы — не нежно-розовые, как кораллы, а грубые и красные, как засохшие болячки. Как руки той девушки в очереди на автобус.)

— Так все и было, — ответил я.

— Ты ушел из парка и потом час или два бродил по улицам. Совершенно случайно ты оказался около железнодорожного вокзала и неожиданно для себя, повинуясь внезапному порыву, пошел и сел без билета в поезд, который следовал в Северный Уэльс.

Почему именно в Северный Уэльс? Ты что, был там раньше?

— Нет, — сказал я, — я даже и сам в общем-то не знаю почему. Там висел красивый плакат. Горы. Море. Сам не знаю...

— Но у тебя не было даже денег на билет. Ты не подумал о последствиях?

— Нет, эта мысль мне как-то не приходила в голову.

— А тебе приходило в голову, что ты будешь делать, когда приедешь туда? О том, что за комнату в гостинице и за еду тоже надо платить?

— Нет, мне просто хотелось уехать куда-нибудь.

— А может быть, ты рассчитывал на то, что платить тебе уже не придется, потому что твоя голова была забита чепухой? Сам знаешь какой. — Он с надеждой подался вперед, но я только пожал плечами и стал разглядывать завитушки на ковре.

Мне нравится ездить в поезде. Путешествия всегда удивительно успокаивают. Я впадаю в какую-то блаженную отрешенность. Пробегающие за окном картины сплетаются в голове с воспоминаниями и образами знакомых людей... — спокойная дума без мыслей.

Вагон почти всю дорогу был пуст, и стук колес, и позвякивание стекол в оконной раме, неравномерное, то частое и дробное, то редкое, иногда резкое, грохочущее, иногда приглушенное, слились в мыслях с образом отца, сидящего в своем кабинете за пишущей машинкой и в муках сочиняющего воскресную проповедь.

Я вспоминал — целый поток картин хлынул на меня, но со странной настойчивостью передо мной яснее всего остального возникал сарай на краю сада — там я запирался в летние вечера и зажигал огарки свечей. Окна завешены мешковиной. Запах джута, и дерева, и промасленных инструментов. Убрав с дороги отцовский инвентарь: вилы, лопаты, грабли, мотки веревки, связки палок, к которым подвязывают горох, пакеты с семенами, подносы с маленькими цветочными горшками, тряпки, банки с краской и засохшие кисти, я доставал из тайника свои бутылки и расставлял их на колченогом карточном столе. Эти бутылки — из-под джина и виски, портвейна, хереса, рома и бренди — я подбирал в рощице за домом. И я наполнял каждую лимонадом, и, примостившись на табуретке, я сидел в теплом свете свечей и читал Конан Дойля и Эдгара Райса Берроуза и отпивал из каждой бутылки, притворяясь перед собой, что пьян.

Прошлое — картина за картиной — преображало тусклый вагон, а один пейзаж сменялся другим за окном поезда, потихоньку взбиравшегося на горы Уэльса.

— Это была случайная остановка.

— Что, что? — переспросил я.

— Остановка, на которой ты сошел, не была обычной станцией.

— Нет, не была.

— А почему тебе взбрело в голову сойти именно там?

— Ну, поезд остановился перед светофором — наверное, впереди был туннель, — и он ждал, когда ему дадут зеленый свет... Я увидел внизу огни деревни... Ну, я просто взял и сошел.

— А что ты в это время почувствовал? Подавленность? Отчужденность?

— Да ничего такого особенного не чувствовал.

(После теплого вагона на улице показалось особенно холодно. Пока я стоял около вагона, поезд начал медленно двигаться к туннелю, и из-под колес выпорхнуло облачко белого дыма и немного повисело в тяжелой черноте ночи. Когда оно растаяло, о поезде напоминало лишь отдаленное грохотание, и ночь окончательно поглотила меня.

Я стоял, глядя на сияние огней деревушки и чуть заметное движение моря и луны. Мне хотелось громко смеяться, но я не стал, потому что кругом была такая тишина...)

Он опять сверился со своими бумажками: «Добравшись до деревни, ты отправился в гостиницу и спросил у хозяина, некоего мистера Дэвиса, комнату и обед. Но эта сторона дела нас не интересует. Это забота властей, и пусть этим занимается суд, меня это не касается, — он улыбнулся. — Я просто перечисляю по порядку как все было, согласно протоколу». Я тоже улыбнулся в ответ. «Но, — продолжал он, — нас интересует вот что: минуту назад ты сказал, что «ничего особенного не чувствовал». Ты ведь не чувствовал себя несчастным или подавленным? Далее. Раньше ты говорил мне, что, как только поел, сразу отправился спать и тут же уснул крепким сном. Проснулся ты довольно рано и пошел гулять по пляжу. Однако следующее, что мы узнаем, это как тебя спасли, вытащив из моря. При этом ты рыдал и бился в истерике. Получается чепуха какая-то, а, Дэвид?»

Я выдал целую серию гримас, изображавших одобрение, удивление, а потом и огорчение. В глубине же души я поедом ел себя за то, что вовремя не продумал, как по-умному представить всю эту историю. Надо было сразу признаться, что я находился в глубокой депрессии, пытался покончить с собой, вошел в религиозный экстаз, и над морской гладью мне явился Иисус Христос в белом одеянии и призвал меня в свои объятья. Вот тогда доктор Коттл смог бы постепенно меня вылечить и все были бы безмерно счастливы. Но сейчас мозги у меня прямо как будто затекли, я весь был как под наркозом, и, казалось, не будет конца этим веселым встречам с доктором Коттлом.

— Нам надо выяснить, — говорил он, — что привело тебя в состояние такого отчаяния или такой тревоги. Только уяснив себе это, мы сможем...

— Я помню... — начал я опять.

— Да?

— Я помню, как я проснулся, и было очень тихо. И я помню, я оделся и вышел, перешел через дорогу, оказался на пляже и побрел вдоль моря...

— Ты встретил кого-нибудь?

— Нет. Совершенно точно. Кругом было пусто, и берег просматривался на несколько миль вокруг.

— Дальше...

— Ну, я помню, что стоял на каких-то скалах.

— Так?
— Ну и все.
— И больше вообще ничего не помнишь?
— Нет, больше ничего.
— Ты был в подавленном состоянии, — объявил он.
— Я не знаю. Просто не помню. Ничего такого особенного не было.
— И это все?
— Ну еще помню, как стоял на пляже весь мокрый и кругом толпа народу шумела и кричала, — но это уже, наверное, было потом.
— А ты не помнишь, почему ты все-таки рыдал? — спросил он. — Ты кричал: «Не уходите! Не уходите! Не бросайте меня здесь одного!» Что ты имел в виду?

Я устремил на него самый свой честный и тревожный взгляд и сказал: «Мне очень жаль, доктор, я понимаю, как это важно, но... но больше в общем-то ничего не произошло».

Честный взгляд был моим надежным щитом, и, прикрывшись им от доктора Максимиллиана Коттла, я видел сверкающий изгиб бухты, и крик чаек заглушал его вопросы. Насколько мне позволил крик чаек, я сказал ему правду. То, что я рано отправился спать и сразу же заснул, было, безусловно, чистой правдой. Я только ничего не сказал ему о толстых льняных простынях и старинной гравюре, которая изображала генерала Пиктона при Ватерлоо и висела над камином. Не рассказал еще, что, засыпая, слышал шаги на дороге: кто-то в тяжелых ботинках останавливался после каждого шага, осторожно ощупывая скалистое лицо горы, взмывавшей в небо прямо за домами.

Я утаил от него и красоту того раннего утра. Бухту, мерцавшую в тумане куском старого олова. Лежа в колыбели гор, она переливалась жемчужным и серым, а вдали цвета были уже неразличимы в утренней дымке. И утро оживало звуками. Волны мягко плескались о камни. Приглушенно журчал отлив, оставляя в воздухе резкий запах водорослей и ила. Пронзительно кричали галки, кружа над голыми верхушками деревьев. Пока я стоял и любовался бухтой, в воде начало играть солнце и окрасило серые дождевые облака в блекло-желтый цвет — такими обычно становятся синяки, прежде чем окончательно пройти. Песчаная полоса пляжа медленно росла, освобождаясь от воды, которую отлив уносил все дальше в открытое море, прощаясь с ней, яхты и лодки скрипели, и крутились, и натягивали канаты. Я наблюдал, как неправдоподобно белые чайки катались верхом на отливе и уверенно устраивались в лодках, будто были их полноправными хозяевами. Совсем близко от меня они расселись на старом пирсе, убегавшем в глубину. Я начал рыскать по пляжу в поисках какого-нибудь корма. Нашел капустную кочерыжку и кусок хлеба, и, когда распрямился, чтобы глянуть на пирс, я увидел их в первый раз. Две черные заплатки на одеяле моря. Скорее всего это были спинные плавники каких-то крупных рыб. Я подбежал к самой кромке воды, но, что бы это ни было, оно уже скрылось под пирсом. Потом одна заплатка показалась уже ближе, и, пока я смотрел, она все росла и росла, и вдруг вся спина этого существа мелькнула передо мной вертящейся черной бочкой. Потом опять ничего. Ничего, кроме темной воды. Я продолжал пристально вглядываться в то место, где это только что исчезло, но неожиданно оно вынырнуло на другом конце пляжа и шлепнулось обратно с громким плеском. Я бросился туда, всматриваясь на бегу в воду. И вот всего в нескольких ярдах от меня гладь воды опять разорвалась, и дельфин взметнулся в воздух в радуге брызг. Его спина — черная искрящаяся дуга — на мгновение упала кляксой на море и горы. Лицо мое было мокро от брызг, которыми он обдал меня, и, прежде чем вода снова сомкнулась над ним, я успел услышать его теплое фырканье.

Сердце билось где-то в горле, и я стоял как вкопанный, глядя на спокойную воду. Брызги на щеках собирались в тонкие струйки и сбегали вдоль губ, и я открыл рот, чтобы попробовать на вкус. Потом они оба выпрыгнули из воды и описали в воздухе несколько сияющих дуг, сбивая в пену воду вокруг себя. Они прыгали друг через друга, скользили и перекатывались, то подплывали к самому берегу, то, резко развернувшись, уходили в глубину.

Я смотрел, как они резвились, бежал за ними, чтобы не отстать. Порой они не показывались по нескольку минут, и как раз тогда, когда я уже начинал волноваться, я замечал водоворот их тел где-нибудь на другой стороне. Когда же я, напрягая глаза, привыкал к расстоянию, они вдруг выныривали совсем рядом — взмывали вверх, как черные взрывы. Казалось, они с наслаждением играют в какую-то одним им понятную игру, причудливо исчерчивая вдоль и поперек полосу отлива. Даже когда они были далеко, мне слышно было их влажное сопение. Вблизи звук менялся — а может, мне это казалось, — в неподвижном воздухе раздавался свист, как будто сигнал, которым они звали друг друга.

Я не отрывал взгляда от воды и в погоне за ними, кажется, упал на какие-то камни. Я порвал рубашку на груди, но вспомнил об этом только позже, почувствовав боль; только позже я увидел, что содрал кожу на ладони и из ссадины текла кровь. И вот пока я стоял на этой скале, дельфины опять повернули в сторону открытого моря.

Еще только раз они подошли к берегу. Я бежал за ними по пляжу, и опять оказался у старого пирса. Отлив ушел уже далеко, и лодки гремели о камни — воды под ними было фута два. И они стали подныривать под лодки. Вдруг я понял, что они делают. Может быть, это звучит глупо, но я все равно точно знал, что они делают, хотя и не мог видеть их в воде. Они подныривали под лодки, чтобы почесать спины. Я слышал шлепки мелких волн и их сопение. И я точно знал, что они чешут спины. А потом они вынырнули из-под ближайшей лодки и заскользили по мелководью. Казалось, они нарочно хотят подплыть ко мне поближе.

Они лежали покачиваясь, похоже, отдыхали. Между нами было футов пятнадцать, не больше. И я вошел в воду. Камни под ногами были скользкими от ила. Я ступал осторожно, чтобы не спугнуть их, и тяжело дышал. Осталось футов шесть, но они вдруг развернулись и поплыли в открытое море. Медленно и спокойно — не потому, что они испугались, просто им так хотелось.

Я стоял, не шевелясь, по пояс в воде. Тот, что был побольше, выпрыгнул ярдах в двадцати от меня, и я увидел сверкание спины и услышал свист.

Я заходил все глубже, продолжая обшаривать пустую воду, и все ждал, но серая гладь оставалась совершенно спокойной.

На отмели в это время появились черные точки — ловцы устриц, еще какие-то люди, но покоя бухты не нарушало ничто. Я ждал, настороженно вслушиваясь, в надежде уловить знакомый зов, но слышал только шлепанье волн о бока лодок и крики сидящих на них чаек. Ни свиста, ни теплого пыхтения, ни искрящихся дуг над водой. Только серая пелена и светлая полоска на горизонте, там, где начинается море.

И смутно, как сквозь сон, и все же более настойчиво, чем чайки, где-то далеко, за моей спиной, кричали люди и гудели машины. Потом я почувствовал на своих плечах чьи-то руки и снова услышал голоса. Голоса. Голоса успокаивали. Такими голосами уговаривают перепугавшуюся лошадь. Голоса говорили: «Мы здесь. Все хорошо, не бойся».

«Все будет хорошо, мальчик».

«Успокойся»...

Я спотыкался, и холодная вода хлюпала в рубашке.

«Ну что, вытащили?» — спросил какой-то голос. А другой сказал: «Не волнуйся, мальчик. Все в порядке. С нами ты в безопасности».

И руки, руки и голоса вернули меня обратно на пляж.

Перевела с английского
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

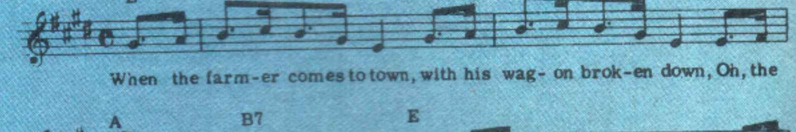
Индекс 70781
Цена 25 коп.

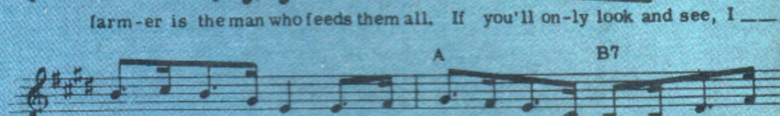

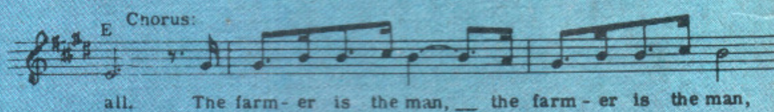
«КОМУ ВЕРШКИ, А КОМУ — КОРЕШКИ»

(Рисунок американского художника Арта Янга, 1912 год.)

Эта песня родилась в США в 90-х годах прошлого столетия, когда создавалась партия популистов, выражавшая интересы фермеров. Слово «популист» уже давно стало достоянием истории, а народная песня живет. И пользуется не меньшей популярностью — в частности, ее пели участники «тракторного наступления» на Вашингтон в феврале этого года. Некоторые слова в песне изменились, стали «современнее», но смысл и дух ее остались прежними, как и проблемы, которые стоят перед американскими фермерами.

E Chorus:
all. The farm- er is the man, the farm- er is the man,

ФЕРМЕР – ЧЕЛОВЕК!

1. Эх, ему б сидеть на троне,
а не в старепьком фургоне,
ведь наш фермер, добрый фермер кормит всех.
Поглядите, присмотритесь
и, наверно, согласитесь,
что бедняга — добрый фермер кормит всех.

2. О, наш фермер — человек,
наш фермер — человек.
В кредит до осени живет,
а когда созреет плод,
монополия придет —
урожай его до крошки заберет.

3. Адвокат в суде болтает,
клерк бумажки разбирает,
ну а фермер, добрый фермер кормит всех.
В воскресенье все подряд
совершают променад,
кроме фермера, который кормит всех.

4. О, наш фермер — человек,
наш фермер — человек.
Живет до осени в кредит.
А потом: «Гони процент,
отдавай последний цент» —
все съедает ненасытный паразит.

5. Разоряется банкир,
закрывается трактир.
Только фермер, как и прежде, кормит всех.
Что-то скажет их живот,
если фермер отдохнет!
Вот тогда поймут, что фермер кормит всех.

6. О, наш фермер — человек.
наш фермер — человек.
В кредит до осени живет.
Он привык штаны латать,
а давно б пора понять:
без него никто и дня не проживет.

(1-й куплет расписан на нотах)

2. Oh, the farmer is the man,
The farmer is the man,
Lives on credit till the Fall;
Then they take him by the hand,
And they lead him from the land,
And the monopoly's the one who gets it all.

3. When the lawyer hangs around
And the butcher cuts a pound,
Oh, the farmer is the man who feeds them all.
And the preacher and the cook
Go a-strolling by the brook,
But the farmer is the man who feeds them all.

4. Oh, the farmer is the man,
The farmer is the man,
Lives on credit till the Fall;
With the interest rate so high,
It's a wonder he don't die,
For the monopoly's the one who gets it all.

5. When the banker says he's broke,
And the merchant's up in smoke,
They forget that it's a farmer feeds them all.
It would put them to the test
If the farmer took a rest
Then they'd know it's a farmer feeds them all.

6. Oh, the farmer is the man,
The farmer is the man,
Lives on credit till the Fall,
And his pants are wearing thin,
His condition it's a sin,
He's forgot that he's the man who feeds them all.